

Избранная проза и поэзия

СОВРЕМЕННОСТИ

Толоса
ЭПОХИ
2025

ТОМ 3

ПРОШЛОЕ • НАСТОЯЩЕЕ • БУДУЩЕЕ

Голоса эпохи. Избранная проза и поэзия современности

Альманах

**Голоса эпохи. Избранная проза
и поэзия современности. Том 3**

Издательство «Четыре»

2025

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Альманах

Голоса эпохи. Избранная проза и поэзия современности. Том 3 /
Альманах — Издательство «Четыре», 2025 — (Голоса эпохи.
Избранная проза и поэзия современности)

ISBN 978-5-908079-84-6

Третий том литературного альманаха «Голоса эпохи» продолжает традицию собирать под одной обложкой яркие, искренние голоса современных русскоязычных авторов, творчество которых отражает дух времени, личный опыт и историческую память. Альманах адресован всем, кто ценит живую русскую литературу, ищет в ней опору и понимание сложных процессов, через которые прошла и продолжает проходить наша страна. «Голоса эпохи» - хроника духовной жизни народа, выраженная талантом и сердцем его лучших представителей. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-908079-84-6

© Альманах, 2025
© Издательство «Четыре», 2025

Содержание

Слова как отзвуки души	6
Евгений Бузни	6
Вперед к Советскому Союзу!	7
Андрей Бурьянов	14
От окраины к центру	14
Воспоминаний необорванная нить сквозь жизнь	16
Кешкины кружки, Олины колокольчики	16
Истории о том, как и кто подвозил меня	25
«На даче Камзолкин пьёт самогонку...»	29
«Воздух пасмурный влажен и гулок...»	29
«От грусти, тоски и печали...»	30
Людмила Валова	31
«Я сегодня другая...»	31
«Прохладный октябрь за окном...»	32
«Геометрия слов в эфемерности чувств...»	32
Сентябрь	32
«Я соткала судьбу из серых нитей буден...»	32
«Тарт с марципаном...»	33
«Закат с мандариновым вкусом...»	33
«Не гадай мне на гуще кофейной...»	34
«В чашки севрского фарфора...»	34
«В терминалах судьбы мне себя не найти...»	34
«В календаре остывших чувств...»	34
«Для антуража в модном ресторане...»	35
«В плену неясных многоточий...»	35
«Ты влюбился в меня как мальчишка...»	35
«Хочу искупаться в осенней листве...»	35
«В неизвестности как в бесконечности...»	36
«Вникаю в поэтические тексты Бродского...»	36
«Сыктывкару...»	36
«Ты строишь замки на песке...»	37
Сергей Волк	38
Последние дни этого мира	38
Сцена первая	39
Сцена вторая	40
Сцена третья	41
Сцена четвертая	42
Сцена пятая	43
Сцена шестая	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

**Голоса эпохи. Том 3. Избранная
проза и поэзия современности**
Составитель Валерия Богданова

издательство

ЧЕТЫРЕ

© Издательство «Четыре», 2025

Слова как отзвуки души

Евгений Бузни

Родился в Симферополе в 1940 году. Писать стихи начал в армии, а вскоре стал активным участником ялтинских литературных объединений. Окончил факультет иностранных языков Симферопольского университета, работал переводчиком в Крыму, Африке, Индии,

Пакистане и на Шпицбергене, публикуя рассказы и очерки. В Москве трудился в издательстве «Мальши» и в музее Н. Островского, подготовил материалы к собранию сочинений писателя.

Автор более двадцати книг: поэзии, прозы, романов, научно-популярных и детских изданий. Лауреат российских и международных премий. Награждён орденами и медалями за вклад в культуру и литературу.

В его творчестве соединяются богатый жизненный опыт, дух путешествий и верность слову.

Вперед к Советскому Союзу!

Я хочу начать свой рассказ с публикации ответа на мой вопрос, заданный тринадцать лет назад.

Хотим ли мы снова в СССР?

На заданный в заглавии отнюдь не риторический вопрос я могу с лёгкостью получить ответ «да» и с такой же лёгкостью – «нет». Ответ будет зависеть от того, кого мы спрашиваем. Однажды известного актёра Зиновия Высоковского спросили в постсоветский период, как ему жилось в советское время. Он ответил: «Хорошо». Тогда у него поинтересовались, а как ему живётся теперь, и артист ответил: «Сейчас я живу лучше, но я бы не возражал снова жить хорошо». Мудрый ответ. Не каждый сразу сообразит, что имелось в виду.

Вопрос о том, хотим ли мы снова в СССР, возник в тот же день, как люди узнали о Беловежском соглашении, якобы распустившем Союз Советских Социалистических Республик. И не умирает до сих пор, хотя прошло уже два десятка лет так называемой новой жизни и выросло новое поколение молодёжи, не имеющей ясного представления о том, в какой стране они родились и выросли, какой строй одни родители мечтают возратить, а другие громко проклинают.

И в этом ничего удивительного. Живя в Советском Союзе, мы привыкли к мысли, что мы сильны своим единением, своим огромным союзом. Мы привыкли вспоминать слова Владимира Маяковского из поэмы «Владимир Ильич Ленин»:

*Единица – вздор,
единица – ноль,
один —
даже если
очень важный —
не подымет
простое
пятивершковое бревно,
тем более
дом пятиэтажный.*

Потому о разъединении никто и не думал, никто не верил, что такое может быть. Лично я всегда за любой союз, ибо он объединяет силы. Два слабых человека могут быть сильнее одного сильного, три – тем более. Что уж говорить о массе? Она может свернуть любые преграды. А мы были все вместе и вдруг разъехались, расползлись по разным закоулкам, каждый завёл себе свою кубышку, и каждый сразу ослаб, захрипел, заканючил. Действительно, было отчего.

Государство, следуя словам Ленина «коммунизм – это советская власть плюс электрификация всей страны», создало гигантскую, мощную единую энергосистему, единую систему управления народным хозяйством, единую систему образования, единую систему обороны. В

этих системах каждый винтик был на своём месте, каждый знал свою задачу, и без каждого из них система могла дать сбой.

Беловежское соглашение разбило системную цепь на отдельные звенья, которые сами по себе, естественно, оказались слабы и беспомощны. И вот эти звенья первоначально кинулись за помощью к другим, более устойчивым странам, тем самым подчиняясь их условиям, непривычным нам законам развития.

Правда, в Беловежской Пуще руководители трёх республик хоть и подвыпили перед принятием судьбоносного решения, но понимали, что совсем друг без друга обойтись не смогут, да и народы не поймут, а потому подписали втроём соглашение о создании некоего аморфного объединения в виде Содружества Независимых Государств (СНГ).

Однако не сработало. Не получилось. Что такое СНГ, никто до сих пор не понимает. А почему?

Вспомним опять В. И. Ленина, который ещё в 1915 г., когда идея революции была у всех на слуху, но никто ещё не знал, где она произойдёт, когда политиками уже поднимался вопрос об объединении разных государств, писал в своей работе «О лозунге Соединённых Штатов Европы» следующее: *«Соединённые Штаты Европы, при капитализме, равняются соглашению о дележе колоний. Но при капитализме невозможна иная основа, иной принцип дележа, кроме силы. Миллиардер не может делить “национальный доход” капиталистической страны с кем-либо другим иначе, как в пропорции: “по капиталу” (и притом ещё с добавкой, чтобы крупнейший капитал получил больше, чем ему следует). Капитализм есть частная собственность на средства производства и анархия производства. Проповедовать “справедливый” раздел дохода на такой базе есть прудонизм, тупоумие мещанина и филистера».*

Вот почему СНГ не могло получиться. Каждое государство этого содружества не верило в справедливое распределение чего бы то ни было, и каждое стало тянуть одеяло само на себя. Все ведь стали капиталистами. Кто оттяпывает газ, кто бывшие общими военные базы, кто спекулирует нефтью. Все стали искать, чем можно заарканить благоденствующую, с их точки зрения, Россию, а Россия думает, чем можно поприжать несговорчивые бывшие республики. Вот и получается, что прав был вождь пролетариата, говоря о силовом принципе дележа при капитализме.

Сегодня заговорили всерьёз о создании Евразийского союза. Но прежде чем говорить об этом, я позволю себе бросить взгляд на Европейский союз, который мы, наверное, хотим скопировать. Вспомним, что создавался он очень долгие годы. Сама идея, как я уже писал, возникла ещё в начале прошлого века, когда речь шла о Соединённых Штатах Европы. Потом о ней заговорил Уинстон Черчилль. В 1949 г. был создан Совет Европы. Но идея Союза начала воплощаться лишь в 1957-м, когда по Римскому договору шесть европейских стран создали Европейское экономическое сообщество (ЕЭС), подразумевающее лишь общий широкий рынок товаров, таможенные пошлины на которые были отменены только одиннадцать лет спустя, в 1968 г. А ныне существующий Европейский союз образовался почти через четверть века, в 1992 г., Маастрихтским договором, в который вошло двадцать семь европейских государств. И на наших глазах этот Союз трещит и готов развалиться. Единая европейская валюта евро всё грозит рухнуть и обвалить экономики европейских государств. И не в том ли причина, что интересы капиталистических государств разные? Хотя, несомненно, есть и другие причины.

В сущности, предложение о создании Европейско-Азиатского союза взамен СССР выдвигалось ещё академиком А. Д. Сахаровым, но не было принято. После распада Советского Союза с проектом образования Евразийского союза выступил президент Казахстана Нурсултан Назарбаев, для начала предполагавший объединение пяти бывших союзных республик, к которому впоследствии могли бы присоединиться и все желающие. Но более активным в практическом осуществлении оказался президент Белоруссии А. Г. Лукашенко, благодаря чьей мощной энергии удалось создать с Россией сначала сообщество, а затем и союзное государство.

Однако сегодняшняя моя статья связана с инициативой премьер-министра России В. В. Путина, выдвинутой им в статье «Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня». Речь для начала идёт о союзе России с Белоруссией и Казахстаном. Но амбициозный проект, стартующий 1 января 2012 г., предполагает присоединение к нему в будущем не только бывших советских республик, но, может быть, как думают некоторые, даже таких стран, как Китай и Индия.

Меня, конечно, никто не спрашивает, но, если бы спросили, я ответил бы «да» подобному союзу. Вопрос только в том, ради чего будет существовать такое объединение и насколько прочным и долгим оно окажется.

Как говорится в статье В. В. Путина: «По сути, речь идёт о превращении интеграции в понятный, привлекательный для граждан и бизнеса, устойчивый и долгосрочный проект, не зависящий от перепадов текущей политической и любой иной конъюнктуры». То есть, как можно понять из этих слов, мы не говорим о политическом союзе, имея в виду только экономическую сторону. Это значит, что речь ни в коем случае не идёт о создании чего-то похожего на бывший Советский Союз, тем более что дальше В. В. Путин конкретизирует поставленную задачу, сообщая, что «...мы делаем шаг к Единому экономическому пространству. Создаём колоссальный рынок с более чем 165 миллионами потребителей, с унифицированным законодательством, свободным передвижением капиталов, услуг и рабочей силы».

По поводу последнего мне хотелось бы заметить, что у нас и сейчас передвижение рабочей силы из бывших слабо развитых сегодня республик настолько свободное, что приходится принимать меры к ограничению их въезда и установление квот на их пребывание в российских городах. В советское время всякие перемещения по стране были совершенно свободны, однако наплыв рабочей силы из одной республики в другую не был столь массовым по той причине, что крупные предприятия союзного значения строились во всех республиках, обеспечивая всех работой.

Существовал в то время и такой ограничительный элемент, как прописка. Но чему она препятствовала фактически? Она не позволяла долгого пребывания в любых местах людей, не имеющих постоянного жилья и работы. Вспоминаю, как я переезжал из крымской Ялты в Москву. Меня пригласили на работу в издательство «Малыш». Квартирой оно не обеспечивало, так что я поменял ялтинскую квартиру на московскую. Но обмен не был простым. На комиссии, принимавшей решение о моей прописке в Москве, кроме моего заявления, рассмотрели ходатайство министерства печати, в котором говорилось, что я прошёл по конкурсу на должность в издательстве, справку о том, что дочь поступила учиться на очное отделение московского вуза и, конечно, документы по обмену квартиры. И это было совершенно правильно, так как не только в Москве, но и в любом другом населённом пункте страны не допускалось наличие бомжей, то есть людей без жилья и работы или, как их называли бы раньше, тунеядцев.

Благодаря такому положению, в те годы повсюду в стране не было не только безработицы, но, напротив, ощущалась нехватка рабочей силы. Сегодня в связи с разбалансировкой всего хозяйства бывшего государства тысячи заводов и фабрик, как в России, так и в бывших республиках закрыты, а потому нам крайне важно, думая об интеграции, думать и о создании рабочих мест в странах, вступающих в Союз.

Раскрывая перспективы такого Союза для стран его участниц, глава российского правительства говорит: «*Широкие возможности открываются и для бизнеса. Говорю о новых динамичных рынках, где будут действовать единые стандарты и требования к товарам и услугам, причём в большинстве случаев унифицированные с европейскими*».

Прекрасная мысль, но она сразу же вызывает вопрос: а где же в России эти стандарты, если в магазинах сплошь и рядом фальсифицированные товары, если уже не знаешь, какие продукты можно есть, а какие нельзя, о чём ежедневно предупреждает телевидение, если лекарства в аптеках делаются одни, а выдаются за другие? Не получится ли ещё большая вакханалия

в торговле, когда на свободный рынок вступят бесконтрольные товары других членов нового Союза? Впрочем, всё это решаемые вопросы при наличии порядка в стране. А самое важное всё-таки – принцип, по которому собираются создавать новый Союз.

Сегодня в мире огромное количество всевозможных союзов. Одни создаются на чисто экономических принципах, другие в качестве военных блоков, противостоящих друг другу, третьи предусматривают культурные, природоохранные и прочие объединительные идеи.

Вспомним, как создавался Советский Союз, к которому кто-то хочет вернуться, а кто-то от него всеми силами отталкивается.

Семнадцатый год прошлого столетия. Революция. Родилась новая Россия. Новая эра в истории человечества. Но огромная страна – старая Россия – в этот момент рассыпалась. Каждая нация вмиг стала сама по себе. Почти как в 1991 г. И что?

Со всех сторон бросились как бы на помощь малым народам и заодно задушить революцию американцы, англичане, французы, немцы, поляки, японцы, и кто только не стремился в те отчаянные годы в непонятную взбунтовавшуюся Россию.

А она жила и боролась со всеми единственным желанием народа жить свободно и самостоятельно. В этой борьбе вместе с русскими принимали участие и украинцы, и жители Прибалтики, и народы Кавказа и Средней Азии. Воевали все. Но вот завершилась гражданская война. Интервенты все изгнаны, и остро встал вопрос, как всем жить дальше. Вместе или по раздельности? Хотя, справедливости ради, следует упомянуть, что проблема эта решалась почти автоматически в целях отражения оккупации. Ещё в 1919 г. ВЦИК РСФСР при участии представителей других республик издал декрет «Об объединении Советских Республик: России, Украины, Латвии, Литвы, Белоруссии для борьбы с мировым империализмом».

Теперь, после войны, надо было решать в первую очередь, конечно, экономические проблемы. И вот, хочется обратить внимание на то, что, когда народ России в условиях полной хозяйственной разрухи сам голодал, в конце 1920-го – начале 1921-го правительство РСФСР выделило Армянской ССР денежную ссуду в 3 млрд руб., направило эшелон с товарами первой необходимости, 325 тыс. пудов зерна, 5 тыс. пудов сахара и в то же время из Азербайджанской ССР в Армению было послано 50 вагонов хлеба, 36 тыс. пудов нефти. И нет сомнения в том, что это была реальная помощь.

Сегодня у нас часто раздаются голоса, мол, хватит кормить Кавказ. Я думаю, что дело здесь совсем не в том, что наш народ стал жадным или сильно шовинистическим. Проблема скорее в том, что многие не верят в настоящую адресность этой помощи, полагая, и возможно справедливо, что средства отрываемых сумм наших налогоплательщиков зачастую попадают не народу Кавказа, а в чьи-то частные карманы. Нам иногда показывают, как с помощью России отстраивается чеченская столица, украсившаяся современными высотными зданиями вместо разрушенных нашими снарядами домов, но если там так хорошо, то почему же чеченцы продолжают ехать в Москву и другие города России в поисках низкооплачиваемой работы? Если там так чудесно, как говорят, почему они уезжают оттуда?

Вот и получается, что, сколько ни произноси слово «сахар», а во рту от этого не становится слаще, пока действительно сахар в него не положишь.

В 1920–1921 гг. между РСФСР и другими республиками были заключены договоры о военно-хозяйственном союзе, поэтому уже в 1922 г. на международной Генуэзской конференции по экономическим и финансовым вопросам делегация РСФСР, возглавлявшаяся Г. В. Чичериным, который в Генуе, куда Ленин не выезжал, пользовался всеми правами председателя, представляла интересы не только РСФСР, но и всех других советских республик (Азербайджанской, Армянской, Белорусской, Бухарской, Грузинской, Украинской, Хорезмской), а также интересы Дальневосточной Республики.

В марте 1922 г. на Кавказе заключается договор об образовании Закавказской Социалистической Федерации Советских Республик, куда вошли Грузия, Армения и Азербайджан. А

чуть позже, в августе этого же года, в Москве создаётся комиссия по подготовке вопроса о взаимоотношениях между РСФСР и независимыми национальными советскими республиками. Руководит комиссией И. В. Сталин, который в то время возглавлял наркомат по делам национальностей. В комиссию, естественно, входили и представители от каждой республики.

По проекту резолюции, подготовленной И. В. Сталиным, Всероссийский центральный исполнительный комитет и Совет народных комиссаров РСФСР становились высшими органами государственной власти в новом государстве, а большинство наркоматов республик подчинялось соответствующим наркоматам РСФСР. Проект был разослан всем республикам. Против выступила Грузия, партийное руководство которой заявило, что объединение в форме автономизации преждевременно, объединение хозяйственной и общей политики необходимо, но с сохранением всех атрибутов независимости. Фактически это означало оформление конфедерации советских республик, основанной на единстве военной, политической, дипломатической и частично хозяйственной деятельности.

ЦК КП Белоруссии высказался за сохранение существующего положения. ЦК КП Украины проект не обсуждал, но заявил, что исходит из принципа независимости Украины. На заседании комиссии было принято предложение Сталина, а грузинский проект отклонён.

Но вот что любопытно. В это время В. И. Ленин был уже тяжело болен, и Сталин поехал с решением комиссии в Горки. Ленин убеждает его изменить первый параграф проекта и в своём письме членам Политбюро «Об образовании СССР» подчёркивает, что РСФСР должна признать себя равноправной с другими республиками и «вместе и наравне с ними» войти в новый союз. Затем появляются его заметки «К вопросу о национальностях или об “автономизации”», в которых он пишет: *«Прежде всего необходимо понять, что интернационализм со стороны угнетающей или так называемой “великой” нации... должен состоять не только в соблюдении формального равенства наций, но и в таком неравенстве, которое возмещало бы со стороны нации угнетающей, нации большой то неравенство, которое складывается в жизни фактически».*

Да, процесс формирования различных наций, разных по культуре, вероисповеданию и даже цвету кожи был очень сложным. Тем не менее к концу 1922 г. все согласования были завершены и 30 декабря на съезде Советов один из старейших членов партии П. Г. Смидович под бурные аплодисменты делегатов съезда провозгласил: *«Единодушная воля трудящихся Украины, Азербайджана, Грузии, Армении и Белоруссии слить обособленные советские республики в единое целое, в мощное государство союза социалистических советских республик выражена на съездах Советов Украины, Белоруссии и Закавказской Федерации. Эта воля с неописуемым энтузиазмом поддержана представителями трудящихся РСФСР на заседании X Всероссийского съезда Советов... Резолюцией, принятой на этом съезде, подтверждён как основа союза принцип равноправия республик, добровольного вхождения их в союзное государство с сохранением для каждой права свободного выхода из него.*

Эти принципы лягут в основу предлагаемого делегациям договора... мы объединяемся в единое государство, образуем единый политический и хозяйственный организм. И каждая рана извне, каждая боль внутри на какой-либо отдалённой окраине отзовется одновременно во всех частях государства и вызовет соответствующую реакцию во всём организме Союза...»

Вот какого плана создавался Союз, создавался не тремя республиками, главы которых осмелились заявить в 1991 г. о роспуске Союза от имени всех, не спрашивая их, в Беловежской Пуще. Не спросив и присоединившиеся к Союзу в 1925 г. республики Средней Азии.

30 декабря 1922 г. на съезде Советов был принят Договор об образовании СССР, который начинался словами: *«Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика (РСФСР), Украинская Социалистическая Советская Республика (УССР), Белорусская Социалистическая Советская Республика (БССР) и Закавказская Социалистическая Федеративная Советская Республика (ЗСФСР – Грузия, Азербайджан и Армения) заключают настоящий*

союзный договор об объединении в одно союзное государство – «Союз Советских Социалистических Республик» – на следующих основаниях...».

Далее в нём говорилось об установлении единой государственной границы, общего плана хозяйственной деятельности, единого государственного бюджета, единых вооружённых сил, общих начал землеустройства и землепользования, основных законов судостроительства, о труде, общих начал народного просвещения, общих мер в области охраны народного здоровья и др.

Все эти меры были жизненно важными для каждого человека объединившихся добровольно республик. Эти же вопросы имеют первостепенное значение сегодня. Вот почему нам, я имею в виду каждого жителя России, важно понять, хотят ли и могут ли нынешние правительства объединяющихся в новый союз государств решить положительно для всего народа, а не отдельных классов, все эти насущные вопросы, причём не говоря о перспективах, как о сладком сахаре, а принимая реальные решения с получением реальных результатов.

Повторяю, что я за союз, если он не будет служить увеличению доходов олигархов и снижению свобод простых граждан. Я за то, чтобы мы ели сахар, а не только говорили о том, что он сладкий. На создание СССР ушло пять лет переговоров. На создание нового Союза...

На поставленный двенадцать лет назад вопрос сегодня я могу с определённой уверенностью сказать, что миллионы нынешних россиян ответят на этот вопрос утвердительно: «Да, мы хотим вернуться в Советский Союз». И этот ответ будет правильным. Развал Советского Союза произошёл при мощной поддержке его врагов, которые и сегодня потирают свои руки, стремясь уничтожить Россию навсегда.

Мне сейчас восемьдесят пять лет. Я член Союза писателей и Союза журналистов. Побывал в нескольких странах, работая переводчиком, опубликовал немало книг и статей. За это время мой брат-близнец Артемий стал профессором, доктором экономических наук. В детстве наша семья два года жила в Нижней Ореанде возле города Ялты. Наш папа работал в правительственном санатории главным бухгалтером. Потом уже перешёл работать на киностудию в Ялту. А в эти два года нам с Тёмой приходилось учиться в первом и во втором классах школы, которая стояла в лесу возле дороги у въезда в ливадийский правительственный санаторий, где, бывало, отдыхал Сталин. Помнится, на переменах мы подбегали к забору во дворе и иногда могли видеть, как из ливадийских ворот выезжали легковые машины. Однажды нам показалось, что в одной из них на переднем сиденье восседал сам Сталин. Может, так и было. Чуть подальше от этого места начиналась тропа в Нижнюю Ореанду, по которой мы с братом возвращались домой.

Так почему я вспомнил об этом? Мы часто гуляли по санаторному участку вдвоём с Тёмой и пели песни. Вот одна из них:

*Между нами решено? Решено.
Проживём лет двести мы.
Пусть проходят годы, но, но, но...
Но повсюду вместе мы.*

Сегодня я помню только эти слова из той песни. Мы тогда пели их, как бы давая клятву друг другу дожить до ста лет. Ведь мы были не просто очень похожи друг на друга так, что учителя в школе часто путались, не зная, кто на самом деле выходит к доске – Тёма или Женя. Путали в жизни и другие люди. Помню смешную историю, когда брат во время своей учёбы в симферопольском институте встретил на улице мою знакомую девушку, которая вдруг бросилась к нему и закричала:

– Женька, ты знаешь... – и начала что-то рассказывать.

Тёма сначала внимательно слушал, а потом оgoroшил весёлую рассказчицу словами:

– Вы извините, но я не Женя, а его брат.

Мы хорошо с ней были знакомы, но она не знала, что у меня есть брат-близнец, и потому сначала даже не поверила ему, а потом попросила прощения и ушла. Однако история на этом не закончилась. Буквально через несколько дней Тёма приехал в Ялту, а на набережной к нему опять бросилась навстречу та же красавица и закричала:

– Женька, ты знаешь, я в Симферополе встретила твоего брата! Оказывается, вы так похожи.

Тут растерявшийся от неожиданности Тёма предположил, что незнакомая девушка может его и поцеловать, и сразу прервал её возгласом:

– Извините, но я опять не Женя, а Тёма.

В этот раз девушка вдруг рассердилась и сказала:

– Да брось ты, Женька, врать. Ты и тогда наврал, и сейчас врешь.

Но Тёма был непреклонен и потому сказал твёрдо:

– Если не верите, идите в книжный магазин, и вы увидите, что он там сидит в своём кабинете директора.

Девушка упала духом, снова стала извиняться и пошла-таки в «Книготорг», где увидела меня за столом в кабинете.

Вот это было смешно.

Но мне приходит в голову эта история потому, что сегодня аналогичные обознатушки, когда путают лица, не показались бы такими смешными, ведь вокруг совсем другая обстановка, не похожая на ту, что была в Советском Союзе, где не было олигархов, правящих экономикой страны; военного конфликта с Украиной, народ которой был нам близок и дорог; а были в нашем составе все одиннадцать республик, живших с нами на общей основе дружбы и сотрудничества; были и дружившие с нами государства Варшавского договора: Албания, Болгария, Венгрия Чехословакия, Румыния, Германская Демократическая Республика, Польша, многие из которых в настоящее время кажутся перешедшими на вражескую нашей стране сторону. То есть мы живём в такое время, когда народы даже наших бывших союзных республик смотрят на Россию с некоторой долей подозрения, не зная, чего от нас можно ждать. В Советском Союзе все всё знали и во всё верили. Именно поэтому я думаю, что нам просто необходимо идти вперёд в Советский Союз, вновь присоединив все бывшие наши республики, а также Китай, Монголию, Корею и, может, некоторые другие страны, чтобы стать могущественнее и сильнее в борьбе за построение коммунизма, который понравится не только нам, но и всему миру.

Андрей Бурьянов

Андрей Всеволодович родился 25 октября 1943 года в Москве. Служил в воздушно-десантных войсках Советской армии.

Окончил Московский геологоразведочный институт. Кандидат геолого-минералогических наук. С 1967 по 2002 год проводил полевые сезоны в Карелии, Кузбассе, Казахстане, Средней Азии, Забайкалье, Приморском крае, Камчатке, Сахалине и на острове Кунашир.

Сейчас на заслуженном отдыхе. Живёт в России и Израиле.

От окраины к центру (отрывок)

Значит, нету разлук.
Существует громадная встреча.
Значит, кто-то нас вдруг
в темноте обнимает за плечи,
и полны темноты,
и полны темноты и покоя,
мы все вместе стоим над холодной блестящей рекою.

Как легко нам дышать,
оттого, что подобно растенью
в чьей-то жизни чужой

мы становимся светом и тенью
или больше того —
оттого, что мы всё потеряем,
отбегая навек, мы становимся смертью и раем.

Вот я вновь прохожу
в том же светлом раю – с остановки налево,
предо мною бежит,
закрываясь ладонями, новая Ева,
ярко-красный Адам
вдалеке появляется в арках,
невский ветер звенит заунывно в развешанных арфах.

Как стремительна жизнь
в чёрно-белом раю новостроек.
Обвивается змей,
и безмолвствует небо героик,
ледяная гора
неподвижно блестит у фонтана,
вьётся утренний снег, и машины летят неустанно.

Неужели не я,
освещённый тремя фонарями,
столько лет в темноте
по осколкам бежал пустырями,
и сиянье небес
у подъёмного крана клубилось?
Неужели не я? Что-то здесь навсегда изменилось.

Кто-то новый царит,
безымянный, прекрасный, всеильный,
над отчизной горит,
разливается свет тёмно-синий,
и в глазах у борзых
шелестят фонари – по цветочку,
кто-то вечно идёт возле новых домов в одиночку.

Значит, нету разлук.
Значит, зря мы просили прощенья
у своих мертвецов.
Значит, нет для зимы возвращенья.
Остаётся одно:
по земле проходить бестревожно.
Невозможно отстать. Обгонять —
только это возможно.

То, куда мы спешим,
этот ад или райское место,
или попросту мрак,

темнота, это всё неизвестно,
дорогая страна,
постоянный предмет воспеванья,
не любовь ли она? Нет, она не имеет названья...

.....

Поздравляю себя!
Сколько лет проживу, ничего мне не надо.
Сколько лет проживу,
сколько дам на стакан лимонада.
Сколько раз я вернусь —
но уже не вернусь – словно дом запираю,
сколько дам я за грусть от кирпичной трубы
и собачьего лая.

1962 г.
И. Бродский

Воспоминаний необорванная нить сквозь жизнь

*Маленькая девочка заплакала,
когда узнала, что у прошлого нет будущего.*

Кешкины кружки, Олины колокольчики

Из городов и стран, где бываем, мы привозим Кеше кружки. Ими уже увешаны две стены в кухне, и много ещё стоит в буфете. А Оле все привозили колокольчики, и они висят на потолочных балках. После смерти Оли мы перестали покупать и развешивать колокольчики.

1

Из тех, кто начинал строиться на наших дачах, остался я один. Да и у соседей то же самое. На многих дачах или дачных участках давно сменились хозяева и прежних нет уже. Оттого, что начиналось это давно, слишком давно, в году 1968-м, 1969-м. Место это, в восьми километрах к западу от станции Михнево, называлось Дураково поле потому, что будто бы на этом пупыре, водоразделе рек Каширка и Лопасня, ничего не росло и колхоз отдал эту площадь без сожаления. На самом деле история оказалась более романтическая. Местами этими когда-то владел помещик Дураков, и деревня рядом в один километр от нас, с двумя прудами, окружёнными вёслами, с липовой аллеей, ведущей когда-то к барскому дому, называлась Дураково, и поле, что рядом, тоже. Но, вероятно, не нравилось это помещику и переименовал он свою деревню в Ольгино, в честь жены. И живём мы теперь около деревни Ольгино, а поле так и осталось Дураковым, но многие об этом и не знают. Участков здесь надавали очень много, от разных предприятий, и дома стоят новые, хорошие, и всё растёт и колосится.

А начиналось всё давно и трудно. Участки давали от ГПЗ-1 – Первого государственного подшипникового завода, где тогда работал отец моей жены Оли, то есть мой тесть Пётр Петрович, человек трагической и печальной судьбы. Как сына врага народа (потом реабилитированного) его выгнали из лесотехнической академии, и он пошёл работать электриком на ГПЗ. Несмотря на все невзгоды человек он был незлобивый, талантливый, хороший спортс-

мен, владел английским и брэнчал на балалайке, романтик, мечтатель, как гоголевский герой. На участке он ложился на раскладушку и, глядя в голубое небо, говорил: «Вот здесь, от дома до кухни, можно построить мост навесной». На дачу он приезжал с большим абалаковским рюкзаком, набитым консервами и всякой прочей едой, из бокового длинного кармана доставал перчатки и вязаную шапку. На мой вопрос, зачем в такую жару брать с собой шапку и перчатки, Пётр Петрович многозначительно отвечал: «В горах может быть всё». Помнил он свою молодость замечательную, альпинистскую, прошлое своё, но рассказывал мало. Так же ничего не говорил об отце и многом другом, по понятным причинам.

Но участок этот Пётр Петрович только получил. А строить на участке дом и сарай начал Олин дед. Купили где-то старый дом и привезли, собирали. Помогали деду родные и близкие, в том числе мой свояк, армейский друг и муж Олиной сестры Ани. Это он построил кухню, маленькую, покрытую согнутыми дугой листами фанеры, положил сверху рубероид и вбитыми гвоздями написал «Аня».

В первые годы строительства я был в полях и участия в стройке почти не принимал. Уже много позже, когда я мог не ездить на работу постоянно, а сидеть на даче и в полях был какой-то перерыв, я пристроил терраску вместо маленькой старой. Очень долго искал доски и брус и привёз их из Барыбино, оттого что не было строительных рынков и магазинов таких, как сейчас. Построил не очень умело, не зная законов строительства. А в 1998 году, когда появился Кешан, но ушли из жизни и тещь, и тёща моя золотая, и сестра её, и не было уже Олиных бабушек и деда, вместо старой кухни я построил хорошую, настоящую и большую кухню в двадцать два квадратных метра «в чистоте», то есть по внутренним размерам стенок, потолка и так далее. Собрать ферму мне помогли. Но фундамент я делал сам. И обшивал потом хорошей вагонкой один. И утеплитель положил, и двойной пол. По ходу, конечно, выявились недочёты. (Я плохо утеплил двойной пол, и предбанник маленький надо было сделать, чтоб были две двери, для тепла.) Позже сменил рубероидную крышу на гофрированные металлические листы тёмно-зелёного цвета, а ещё позже поставил печку хорошую. И кухня стоит уже двадцать пять лет. В 2004 году вместо старого дома фирма «Зодчий» поставила нам новый, побольше размером и, конечно, лучше прежнего. Потом много чего другого пристроили, разбирали и переделывали. Ещё соорудили сарай и внутри баню-парную, с хорошей печкой; чуть позже я обшил её липовой вагонкой, поверх сосновой. Паримся мы там часто, и друзья-знакомые приезжают.

2. Пешие прогулки, или Как быстро происходят изменения

Деревня Гридюкино в пяти километрах от нас по прямой на юго-запад. Давным-давно вдоль телеграфных деревянных ещё столбов шла туда дорога, не очень хорошая, грунтовая. Да и с других сторон в эту деревню хороших дорог не было. Добирались туда на автобусе, который шёл по бетонке в сторону Семёновского из Михнево, у села Ивановское сходили и четыре километра шли пешком. Когда появились детки и наши, и Олиных сестёр, мы стали ходить в Гридюкино за молоком, а потом и Наталья успела попить этого молока. Была у нас большая пластмассовая фляга на девять литров, и ходили мы в деревню два раза в неделю. То я, то Оля, то тёща моя. Иногда ездили на велосипеде, а когда появился мопед, то и на нём.

Как-то Оля поехала на мопеде и попала под дождь, когда уже возвращалась. Дорогу сразу развезло, и Оля тащила мопед и молоко, тогда мобильных телефонов не было и позвонить на помощь возможности тоже не было. Это время с 1970 по 1979 год, и все наши детки возвращены на молоко гридюкинской пятнистой коровы Сергея Фёдоровича. Мы у него и мёд покупали замечательный. В полях неподалёку сеяли гречиху, и поля лежали бледно-розовые. К Сергею Фёдоровичу приезжал председатель колхоза, договаривался: если тот будет держать пчёл, то ему дадут несколько мешков сахара, с которым тогда было худо, а колхоз посеет гречиху, потому что без пчёл она не опыляется. Сидели мы с Сергеем Фёдоровичем часто на завалинке

и беседовали. Как-то осенью я долго рассказывал ему про Сахалин, откуда только вернулся, и он крикнул жене:

– Маруся, иди сюда! Тут человек на Сахалине был, рассказывает интересно.

А в конце июля – в начале августа, когда неожиданно пошли рыжики под нашими ёлочками, я встретил его в полях. Он косил траву, заготавливая сено для своей коровы.

– Если рыжики пошли так рано, это плохо, значит, скоро дожди и сено будет гнить, – сказал Сергей Фёдорович.

А мы радовались рыжикам.

В Гридюкино, в соседних деревнях Вороново и Чирково, в богатом селе Михайловское крестьяне до революции занимались ткачеством. Держал ткацкие фабрики помещик Воронов, построил для крестьян хорошие, крепкие дома на высоких каменных подклетьях. Там были подвалы для хранения еды и утвари.

Прошли годы. От бетонки проложили шоссе в Чирково и Сумароково (они рядышком и почти слились), и автобус, идущий в Семёновское, заезжает два раза в Чирково и останавливается в Гридюкино. А на большом поле, что тянулось до нас, начали строить СНТ (садоводческое некоммерческое товарищество) Сумароково–1, с хорошими домами, а чуть позже построили и Сумароково–2. Наша дорога вливается в шоссе, один конец которого выводит к Каширке, а другой когда-то давно вёл в пионерлагерь «Берёзка», почему, собственно, и это место, и наши участки называются «Берёзки». Пионерлагеря давно нет, но дорога осталась и даже обновляется, потому что кругом понастроили много садовых товариществ, окруживших маленькие и заброшенные когда-то деревни – Петрищево, Макеево и Чернышёво. Деревни эти небольшие, вытянутые, с одной улицей и с естественными или копаными прудами, от того что место наше на водоразделе Каширки и Лопасни и их маленьких притоков (Смородинки и других). И питали их ещё более мелкие ручьи и родники в лесах, но леса повсеместно вырубались под поля и пастбища, ручьи пересыхали, и родники тоже, и деревни оказались оторванными от водоёмов, и только пруд или несколько прудов цепочкой тянутся вдоль улицы. Много лет назад, когда в очередной раз взялись за поднятие сельского хозяйства, начали проводить ирригационные работы. Около деревень в понижениях, где, вероятно, когда-то текли маленькие ручейки, стали укладывать керамические трубы и трубочки, поперёк дорог вкапывали большие трубы, чтобы не мешать естественному водотоку. Буквально через несколько лет места эти стали трассироваться ивняком, а на лесных полянах, низких, слегка заболоченных, образовались естественные водоёмы.

На опушке леса, за Ольгино, километрах в двух-трёх от нас, поставили поилки для скота, появились тучные стада коров из Чирково, которые приходили на водопой. И совсем неподалёку от нас отдыхало в загоне, в лесу, другое стадо. Но с развалом Советского Союза развалилось и это, куда-то делись стада, зарос крапивой, малиной и кипреем коровник, повысыхали озёрца в лесу, опустели огромные коровники около Чирково. Остались от них только бетонные стены, когда оттуда растащили всё что можно. А вскоре, может быть и одновременно с этим, перестали распахивать и засеивать поля, и они стали быстро-быстро зарастать берёзами. Появился такой молоденький берёзовый лес, с ним вместе пришла земляника, да настоящая садовая, крупная клубника и куча подберёзовиков, а поля без распашки, пустоши «вспомнили», чем они были раньше – в пониженных местах стал расти ивняк, и можно было проследить, как он тянется прямо к деревне, где когда-то били ключи и ручейки питали пруды в деревнях. Мы уже так долго здесь живём, что поменялась не только растительность, но и общий ландшафт, геоморфология – земля где-то опускается, где-то поднимается, живя своей жизнью, не тронутая человеческим вмешательством. Мы на этих пустошах собираем много клубники, грибов, а фермерские хозяйства и агрокомплексы выращивают коров и продают молоко, обходясь меньшими полями и стадами, но молока-то стало больше при правильном и рациональном, рентабельном подходе.

3. Повороты сюжетов

По пятницам никто не работал. А придя на работу, пили с утра чай, вели разговоры и разбегались по магазинам. Конечно, это не режимное предприятие было, не завод, не фабрика, а производственная экспедиция при институте. Мы состояли в негласном договоре с государством. Оно делало вид, что платит нам деньги, а мы делали вид, что работаем. Но ещё мы удовлетворяли своё любопытство за его счёт Экспедиции, или поля, как говорят геологи, были чудом. Мы бывали в местах диких, красивых и разнообразных, куда теперь и попасть-то проблема, а нам ещё и платили полевые и коэффициент. По тем временам получалось неплохо. «Я б в Москве уран нашёл бы киркой при такой повышенной зарплате». На работе после стояния в очередях был обед, а потом те, кому надо было, уезжали на дачу, где нас ждали малые тогда ещё детки с раскрытыми, как у птенцов, ртами, куда мы и вкладывали купленные в городе фрукты и всякие разности. Многие годы я ходил на дачу пешком, правда, продукты, в основном крупы, закупались и завозились заранее, но всё равно оставалось что привозить.

Не было тогда не только дорог, но и магазинов, а первые два года нашей жизни на даче ещё и света. Готовили на керосинках, и горели лампы с керосиновыми фитилями под стеклянными абажурами. Это и не так давно всё было, в наше время, в двадцатом веке, а точнее, в семидесятых годах. Рюкзаки, что мы носили, были тяжёлые, тогда ещё без станка, типа абакаовских. В полях же приходилось носить и тридцатикилограммовые. И это помогало нам потом в доставке грузов на дачу. (И наоборот.) А мы были молодыми, здоровыми и весёлыми. И шагали бодро. Как-то на Камчатке по тропе от кальдеры вулкана Узон до деревни Жупаново, откуда нас должен был забрать вертолёт, прошли сто пять километров за три дня. По тропе среди искривлённого океанскими ветрами берёзового (пьяного) леса на базальтовом плато, где с одной стороны Тихий океан, а с другой просвечивала сквозь деревья осенняя тундра, с шикшей, жимолостью, маленькими берёзами и ярко раскрашенным разнотравьем, и бродили тёмные, почти чёрного цвета бурые медведи. А жизнь на даче потом наладилась: и дороги провели, и автобус пустили, и магазины появились рядышком, и продуктов не надо было столько завозить, и главное, что детки (спиногрызы) подросли, но появились потом внуки, которые тоже открывали свои ротки и требовали пищи, однако таскать уже приходилось меньше, конечно. И вдруг в этом году, когда внукам уже впору заводить своих деток, как-то мы расслабились и продукты (крупы, сахар, масла, мясо и так далее) кончились, и собрался у меня рюкзак тяжёлый, не такой, конечно, как в молодости, пропорционально годам и силам, но весьма приличный, и я понёс его, да ещё с сумкой в руке. И уже в вагоне метро, похлопав по карманам, понял, что телефон-то оставил дома на зарядке (а теперь жизнь без него становится почти невозможной). Я успел выскочить из вагона, пошёл домой за телефоном, и уже надо было быстро идти, чтобы успеть на поезд, и получилась очень удачная прогулка с хорошей нагрузкой и мокрой от пота рубашкой. Так вспомнилась и вернулась на короткое время молодость, и это было приятно.

4

...Вчера я вернулся с дачи в приподнятом (хорошем, значит) настроении. Оттого что хорошо протопил печь, и спать было легко; оттого что расчистил от сыпучего снега дорожки; оттого что прошёл потом, не шаркая ботинками, но пружинистой походкой (так мне казалось или хотелось, чтоб так было) восемь километров по дороге заснеженной, с рюкзаком (увы, уже с весом, чувствительным для меня). Оттого что день был хоть и морозный (десять-двенадцать градусов), но ясный и местами даже солнечный, мела позёмка и что-то сыпалось с неба и иногда искрилось на солнце, временами пробивающемся сквозь облака. Я шёл в тёплой куртке и свитере и, конечно, вспотел, но до электрички успел зайти на нашу станцию, маленькую,

тёплую, с батареями и скамейками, но без туалета и кафе с булочками и чаем (что было бы совсем не плохо, а напротив, хорошо). И, невзирая на сидящих на скамье, снял куртку, футболку и свитер и переделся в сухое термобельё, что настроение также подняло. В электричке, скоростной и тёплой, с хорошими мягкими сиденьями (это уже не должно вызывать удивления или радости, но...) быстро уснул и очнулся, уже когда подъезжали к Москве.

Дальше всё было по плану (радует, когда есть план и, главное, его выполнение). Дома в холодильнике я обнаружил банку (именно банку, а не бутылку) с тёмно-коричневой, но не мутной жидкостью и, не зная или не помня, что в ней, налил чуть-чуть и по вкусу решил, что это всё же не компот, а, возможно, настой каких-то травок, которые я приготовил себе от кашля. Потому вторую рюмку я налил уже полную и, выпив её не залпом, а глотками, начал уже подозревать, что это, вероятно, виски, и уже более уверенно не только налил ещё одну рюмку, но и достал солёный огурец. Выпил, хрустнул огурцом и, когда что-то горячее и ароматное разлилось в животе и слегка ударило в голову, я всё же понял, что это виски, которое привёз мой зять из Америки, точнее из Техаса, ещё точнее из Хьюстона. («Хьюстон, у нас проблемы» – я только недавно узнал, что это было произнесено во время полёта «Аполлона-13», которому так и не удалось прилуниться, но он благополучно вернулся на Землю.)

А виски называлось «Кипарисовая бухта» (Cypress cove), и это был бурбон, то есть виски из кукурузы, к которому у меня отношение скептическое, но это от незнания, позже я почитал кое-что и узнал, что Техас – относительно новая провинция виски и там делают его хорошо, выдерживая в дубовых бочках, а некоторые сорта ещё и пропускают сквозь дым сухих дубовых дров, что придаёт ему (виски) непередаваемый аромат – ванили, дуба и дыма. И, конечно, купажируют почти все виски и бурбоны. Односолодовых, то есть перегнанных из одного зерна – ячменя, не так уж и много, и стоит такое виски очень дорого. Я пил недавно Ballantins – знаменитое шотландское виски, так оно купажено разным зерном, в том числе и кукурузным, но мне не понравилось совсем. А вот эта «Кипарисовая бухта» – очень; и аромат, и крепость, и послевкусие – было всё, кроме, конечно, неудачной закуски – солёного огурца, потому что хорошее виски можно вообще не закусывать, а только причмокивать от удовольствия, вдыхая аромат, и уж если закусить, то копчёным мясом или шоколадом. Я получил удовольствие, лёг спать, потому что вечером должен был общаться по скайпу с сестрой. Правда, когда я проснулся, голова моя показалась мне квадратной, болела, и как-то странно набухли веки и резало глаза. Я это всё объяснил своим возрастом, да и вскоре всё прошло. Я перелил остатки виски в его родную бутылку и успокоился. И не описывал бы так нудно и долго всю эту историю, если бы сюжет и правда резко не повернул.

Прошло два дня. Голова моя приняла обычную (не квадратную) форму, я хорошо позанимался и побегал в зале, посидел в парной и отоспался. И когда сознание окончательно вернулось, я вспомнил, что это было никакое не виски (то уже выпито давно), это был двадцатидневный водочный настой сабельника, чтобы полечить артрозные колени.

5

К восьми утра, а сейчас из-за начавшейся жары чуть пораньше, как обсохнет роса на высоких и пахучих травах, взлетают слепни и набрасываются, жужжат и атакуют словно «мессеры». Комары тоже летают и тоже кусаются, но мошка пострашнее, обкусывает глаза, уши. Футболка вскоре становится мокрой от пота. Несколько дней стоит жара – днём до тридцати пяти. Утром к началу девятого, когда я уже ухожу с «поля боя», – двадцать девять – тридцать градусов жары. За час-полтора набираю граммов восемьсот земляники (на рынке бабки продают килограмм за восемьсот рублей). Иногда со мной ходит собака Агата – не получившаяся до конца корги (мать где-то подгуляла), но создание умное, ласковое и привязанное. В траву с дороги идти не хочет (ножки короткие), приходится уговаривать. После нескольких дней походов, кажется, поняла, в чём дело, и лежит, пока я собираю ягоды и вытаптываю лужок.

Сегодня до Агаты дошло, как можно спасти меня от слепней: она или старается схватить их на лету ещё до подлёта, сбивает их как мощная артиллерия, или старается съесть их, когда они уже на мне, при этом бросается так энергично, что я чуть не падаю. Сама землянику с куста не ест (а у нас был такой пёс когда-то, который и землянику, и особенно малину любил рвать сам с куста), но если дать ягоду, принимает. Хотя всё время норовит повернуть к дому, на тропинку или на дорогу любимую, где лежит палочка, которую я должен бросать, а она находить, подбирать с диким рыком, нести ко мне и долго не отдавать, но потом всё повторяется сначала. Мне в жару хорошо, я не страдаю. К тварям, что жрут, то ли привык за время своей геолого-бродяжной таёжной жизни в Приморье и на Камчатке, то ли кровь такая. А к жаре у меня любовь на генном уровне. Спасибо далёким пращурам, что шли по Синайской пустыне с Моисеем и устроили свою жизнь на земле обетованной, в местах пустынных, пока не преобразовали их, и жарких. И спасибо уже более близким предкам – бабушке и дедушке с их родителями, что переехали в конце девятнадцатого века из Украины и Белоруссии в Среднюю Азию и потом в Москву. Потому что если не переехали бы, то в войну их бы не стало, а значит, и мы бы не появились.

6

Лариса Новосельцева где-то в клубе в Марьиной Роще пела свои новые песни на стихи И. Бунина, Я. Полонского, А. Фета, А. Майкова, А. Григорьева – о любви, одиночестве, грусти, дожде осеннем. Расстроило и тронуло меня это до слёз (много ли надо старику?), и я не остался на второе отделение, а решил рвануть на дачу, не оставаться же ночевать в Москве. Но времени было мало, чтобы успеть, и потому пошёл-побежал к метро «Достоевская», дальше с пересадками, бегом по эскалаторам вверх и вниз и успел за пять минут до отхода вечерней электрички, потому что не опускал руки (скорее, ноги) и верил, что успею.

И была причина (помимо грусти), по которой я торопился: не захотелось оставлять внука Кешу одного на ночь на даче с котом и собакой. Проблем нет, но мне казалось, что некое напряжение он испытывал. Когда Кешан спросил, что это я вдруг прискакал, я не стал называть ему причину, да и не надо было. Он был занят своим программированием, сидел не отрываясь от компьютера. И я понял, что страдания мои душевные и порывы – только мои и ничьи больше.

А день этот начинался так.

Утром, точнее в пять часов пять минут, мы с Колей тронулись и через час оказались у метро «Марьино», откуда я поехал на кладбище Хованское, где рабочий Али должен был укрепить памятник. Там всё оказалось в порядке – все наши на месте. Постоял я чуть-чуть и поехал по другим делам, попив чаю с булочкой в красивом и уютном кафе в магазине «ВкусВилл» у метро «Тёплый Стан». Да, до этого случился казус. Автобус, идущий на кладбище, ехал по другому маршруту, и, когда я это понял, он был уже у Саларьево. Я пошёл назад пешком, ещё не зная, что к концу дня у меня наберётся девятнадцать километров.

В час дня я уже сидел в кафе у метро «Новые Черёмушки» со своим старым другом Лёней. Он старше меня лет на шесть, и это чувствуется, да и болячки всякие подступили, но взгляд острый и мозги хорошо работают, правда, ходит уже с палочкой. Хорошо посидели. Лёня уже не пьёт ни вина, ни водки. Я же заказал сто пятьдесят граммов водки «Хортица», но девушка-официантка сказала, что такой порции теперь нет, а есть шоты (порция, или рюмки порционные по сорок граммов) и можно заказать или сто двадцать, или сто шестьдесят граммов, и принесут это в шотах или графинчиках. Я попросил в шотах, и на подносике, аккуратно, беленьком, принесли три рюмки по сорок граммов, не просто запотевшие, а хорошо заиндевевшие, с белым налётом.

7. И сразу другая история

Меня пригласили на концерт Рувима Островского – Вимика, выдающегося пианиста, незаслуженно нераскрученного. Надо было ехать в село Дютьково – в Музей С. Танеева под Звенигородом. Места удивительно красивые: Подмосковная Швейцария, рядом Дунино – пришивинские места, речка Сторожка в глубоком овраге. Логистика пути, которую я выстроил, была причудлива и длинна. К утренней скоростной электричке я шёл пешком с обычной своей скоростью, но в какой-то момент понял, что не успеваю, и побежал. Успел, но вспотел сильно и совершенно мокрый сидел в электричке и переживал, что не взял запасную футболку. И помыться негде, и дезодоранта нет, а мне ведь ещё немало идти до Дютьково и сидеть среди народа, слушая Вимика. Но делать было нечего, домой я не успевал, только на Белорусский вокзал и никуда кроме. На вокзале же после всяких перестроек, а скорее недостроек, подходы к железнодорожным путям были запутаны бесконечными лестничными переходами так, что я даже рад был своему раннему приезду, пока разобрался как и что. Если на вокзал заходить с улицы, всё ещё ничего, но ежели из метро, то запутано сильно, хоть и есть стрелки-указатели.

Долго ли, коротко ли, но я добрался и чаю попил с хамсой, а потом долго – полтора часа – ехал до Звенигорода, затем на автобусе до Саввинской слободы мимо Саввино-Сторожевского монастыря, родника. И вспоминал, конечно, вспоминал, как мы были здесь лет пять тому назад с Лидой и детками Лушей и Тосей, а ещё раньше, в зимние каникулы, мы – я, Оля, Лида и Наташка, которой было тогда лет пять-шесть, – ходили через Москву-реку в Саввино-Сторожевский монастырь, и я вёз Олю на санках, ходить долго ей было уже трудно. Болезнь её наступала неумолимо, и чудо ещё, что продержалась Оля до две тысячи восемнадцатого года... А концерт был замечательный, и даже на раздолбанном рояле и скрипящем полу Вимик играл виртуозно – Шумана, Шуберта и Шопена. Потом мы смотрели на танеевский дом, ходили к Сторожке, и внучатая племянница Вимика Полина – чудесное создание пяти лет – даже ката-лась на лошадке, к своему полному восторгу.

8

НЕ ПЛАНИРУЙ ДЕЛА... ни с вечера на завтрашний день, ни утром. Может ничего не получится, и вы расстроитесь. Это первое. А второе – уже всё спланировано давно за вас и про вас. Но я как-то на днях с утра, выспавшись и в бодром настроении, решил написать дела на день. А потом вышел с собакой на прогулку. Но чёрт (или кто другой) дёрнул меня пойти другим путём, и Агата – замечательное создание, корги-полукровка – удивлённо поглядывала на меня, когда мы пошли в другую сторону, не туда, куда обычно ходим гулять. Войдя в маленький лесок на изгибе шоссе, я увидел недавно упавшую берёзу. Она сломалась от ветра на высоте пяти-семи метров и лежала с ещё зелёными листьями и ветками прямо вдоль тропинки, метрах в ста – ста пятидесяти от дома. Оставлять её было грех и расточительство. За берёзой, за берёзовыми дровами теперь много охотников, и дома хорошие с каминами, и бани, а для бани лучше берёзовых хорошо просушенных (год – полтора) поленьев нет, ну, может, ещё дуб, но его у нас здесь пока нет. Можно, конечно, и осиной топить, но осина хороша в других делах, а жару и углей потом даёт мало. С большой энергией и с кратковременным жаром горят хвойники – ель, сосна. Хороша лиственница, мы заготавливали лиственничные дрова в Забайкалье, когда я там служил, для бани настолько хорошей, что к нам приезжало начальство из Читы.

И я это всё к тому, что планы записанные рухнули вмиг, и я пошёл за пилой и топором, а бензопилу и трогать пока не стал. Пила у меня хорошая, с удобной, дугообразной ручкой и с хорошими, с «хитрыми» зубьями, с острым полотном. И топорик мой любимый маленький, приёмыстый и древний, я с ним в поля ездил в Приморье более сорока лет назад. Так что я напилился и потом натаскался лесин этих берёзовых, по сырости своей тяжёлых. Последнее

длинное и более толстое помог мне донести Коля. И шли мы как Ленин на субботнике (позднее выяснилось, что участников, которые спустя годы рассказывали, как несли с Лениным бревно, набралось человек девятьсот, а на картине «Ленин на субботнике» один человек). Потом я решил завести свою бензопилу – маленькую, удобную, лёгкую (специально такую покупал, чтоб можно было держать её одной рукой, а другой подправлять или подвигать дерево). Встретил Самвела-соседа, и он поведал мне, что здесь неподалёку нашёл берёзу, однако ему надо было съездить в магазин и заправить пилу. Но я его «успокоил» или «разочаровал», тем что уже. Ему, впрочем, и не очень нужны были эти дрова. Так что без обид.

9

Купил электрический самокат, а руль не складывается. Начал забивать в «Яндексе» фразу «почему не складывается...», а интернет, не дождавшись конца предложения, выдал вопрос или утверждение: «почему не складывается жизнь». Озадачило это меня... Да складывается, складывается, уже сложилась дальше некуда, схлопывается уже. И всё сложилось. Это руль у самоката не складывается, да бензопила не заводится, да телевизор с приставкой на тысячу двести девяносто девять программ не хочет показывать, да насосная станция не тянет, и вода не льётся, коленка болит, и не бежится уже, а так всё прекрасно складывается – линолеум в комнате уложили, дом осталось чуть докрасить, окна пластиковые вставить. Печку установить, двери утеплить, дров наготовить на сырую осень и холодную снежную зиму... и много-много чего другого, и всё – спи, отдыхай. И самокат научились складывать, и телевизор показывает всё что нужно и не нужно, только смотреть некогда, и линолеум уже положили с Кешаном, и окна пластиковые стоят, и дом с двух сторон покрашен, и дрова пилю бензопилой, и дел осталось только начать и кончить.

10

И про грозу. Что-то в этот раз она была очень сильная и страшная. У Оли после увеличения дозы лекарства, что она принимала от миелолейкоза, вдруг лопнул один глаз. Всё там стало красное от крови, и видела она плохо, и решили мы поехать в больницу в Ступино, хорошо зять наш был на даче и с машиной. Для поддержки поехала с нами и дочь Наталья. Погода была ничего, даже небо ясное, но погромыхивало вдали сильно. И «Гидра» из метеоцентра просила и на улицу не выходить, и под деревьями не стоять, и под проводами. Было штормовое предупреждение. Но мы поехали, детки, в смысле внуки, остались дома. В Ступино у нас всё получилось: нас приняли и объяснили, что делать. Возвращались уже в тревоге, потому что тучи были не свинцовые, а лиловые и необычного зелёного цвета, с какой-то побежалостью двигались быстро и нагоняли нас. Грохотало пока вдали, и сверкало страшненько. По пути проезжали церковь в Киясово, старую, семнадцатого века. Сейчас она стояла у дороги подкрашенная, красивая. Мы заехали посмотреть, но только отъехали, как началось: засверкало, загрохотало, полилось, с ветром сильным и с видимостью на нуле. Мы предлагали Сергею остановиться, но он не прислушался и был прав. Ни впереди, ни сзади машин видно не было, все неслись в одном потоке. И если б мы стояли на обочине, падающее дерево могло свалиться на нас и на нашу машину. Нам как-то везло, что деревья падали после того, как мы проезжали. Надо сказать, что машина Сергея, раздолбанная «Лада», разваливалась на ходу. Одно окно не закрывалось, с крыши просто начала литься вода, гром гремел и молнии сверкали, и ветер валил деревья. Сзади Наташа – а мы сидели рядышком – начала повизгивать, Оля впереди сидела стойко. Я успокаивал, что сейчас всё пройдёт и мы доедем. Если, конечно, останемся живы. Видимости не было никакой, ещё и дворники не работали. Оля прикрывала больной глаз рукой, и вдруг Сергей говорит:

– Ольга Петровна, смотрите в оба!

Это всех рассмешило и успокоило. Даже Наталью. Мы доехали благополучно. Только детки встретили нас встревоженные, но не испуганные. Яблоня, наша старая-престарая антоновка, развалилась, и один ствол упал рядом с кухней, но никого и ничего не задел.

А фраза эта – «смотрите в оба» – стала нашей семейной присказкой, как цитаты из кинофильмов или высказывания наших деток, а потом и внуков, когда они были маленькими.

Это случилось в две тысячи семнадцатом году, а летом две тысячи восемнадцатого Оли не стало.

11. Остановившиеся и подвезшие

Холодный май – туманный октябрь, 2017 г. Жизнь

Этим летом мне часто приходилось ездить в Москву или в Михнево по всяким делам и событиям. И, чтобы вернуться быстрее, приходилось выходить рано-рано утром. Автобус ходит, но тогда в Москве оказываешься в двенадцать часов. А если выйти пораньше, то можно успеть на скоростную электричку в шесть часов пятьдесят четыре минуты и в восемь утра быть уже в Москве. Летом светлеет рано, я легко встаю, и мне нравится идти, особенно в хорошую погоду, когда солнце сквозь деревья встаёт тебе навстречу, птички поют и белки перебегают дорогу. Проезжающие машины я не останавливаю, но часто они тормозят сами и подвозят.

Мы заезжаем на дачу в конце апреля. Дача в восьми километрах от станции Михнево.

Май в этом году выдался забавный: не просто с инеем на траве по утрам, но с метелью, пургой, морозцем и ветром. Такая зелёная зима. Но обжились потихоньку. Паримся в бане. И после парной можно не обливаться водой, не нырять в водоём, а просто выйти на улицу, и пар валит от красного тела, и долго-долго тепло, а как обсохнешь и чуть замёрзнешь, можно снова в парную. Тем, кто не парится, хуже, но тоже выжили. И солнце, правда, бывало, и цветочки с трудом, но повылезали и распустились – тюльпаны и нарциссы. И то, что посадили под плёнку, – рассада цветочная и зелень всякая (укроп, петрушка, салат, морковь и свёкла) – вылезло тоже. Сейчас уже середина июля, но природа продолжает чудить, а растения, так и не дождавшись тепла, всё же потихоньку распускаются и цветут. А куда деваться-то?

А мне вскоре надо было идти в михневскую больницу, договариваться с медсестричками, чтобы взяли на анализ кровь Оли. Делаю я это раз в месяц или чаще и отвожу анализ в онкодиспансер в Москву, где врач корректирует приём лекарств в зависимости от гемоглобина, лейкоцита, тромбоцита. У Ольги с две тысячи тринадцатого года хронический миелолейкоз. (Помимо рассеянного склероза – тридцать лет в коляске. Кто-нибудь скажет, за что?)

Когда еду в Москву, тоже выхожу рано, чтобы сделать дела всякие и вернуться не очень поздно.

Первый автобус в девять часов тридцать минут. Это поздно, поэтому иду пешком, а обратно – на автобусе. Вот и в этот раз вышел рано. Погода была хорошая, ясная, морозная, мёрзлы руки, я шёл быстро и согревался, стараясь не накачивать себя грустными мыслями, а ища позитив во всём происходящем, пользуясь формулой «могло быть и хуже», не зная, правда, правильная ли она. Никто не подобрал в этот раз по дороге.

Машин едет много, но уж если останавливаются и подбирают (а я не голосую), то не крутые иномарки, а раздолбанные «жигули». Сосед мой считает, что это бедные подсаживают, а богатые – нет. Бывший свояк, армейский друг, с которым мы изредка, но всё же общаемся, сказал, что просто боятся подвозить, время сейчас такое – убийцы, маньяки и просто придурочные бродят толпами, так что страшно. «И я никого не подсаживаю», – закончил он. Но меня всё же подвозят, и последний подвозивший, мне кажется, ответил правильно: «Всё зависит от человека». И с теми, кто забирает, завязывается интересный короткий, мимолётный, иногда пустой, но чаще насыщенный разговор, и много узнаёшь о другой жизни, людях и событиях.

В этот раз я дошёл пешком с плохим настроением вместе. Никто не подобрал. Около больницы, рядом с шоссе, стоит несколько трёхэтажных домов – барачков замызганных – «тяжёлое наследие прошлого», но люди живут в них до сих пор. И палисадники с цветочками, и огородики с парниками рядом, и бельё висит на верёвках, но и гаражи стоят там же, и машины все сплошь иномарки. И вот из такого дома вышла девушка, красивая и ужасно печальная, с дочкой и села в белую машину, иномарку, конечно. Я потом ещё раз видел её уже у больницы: зашла и вышла, забирая или отдавая анализы, и поехала дальше – девочку в школу, сама на работу – всё такая же красивая и печальная. Я тогда подумал: «Что же ты такая грустная и печальная, но красивая и стройная? Мужа нет или пьёт, дома всё протекает и капает, на работе плохо, а может, и нет, но печалиться-то чего? Дочка растёт, машина опять же белая, хорошая. Живи и радуйся».

Я быстро договорился в больнице и дозвонился Диме, знакомому шофёру, что стоит на станции, подвозит желающих. На следующий день он заедет за медсестрой, привезёт её к нам, а когда она возьмёт анализ, отвезёт её обратно. Я даю пятьсот рублей медсестричке и пятьсот Диме. И уж в этот день или на следующий забираю анализ. Вот такая нехитрая технология, или логистика, если сказать по-современному. До автобуса времени оставалось ещё достаточно, и я успел походить по рынку, заглядывая в разные палатки. Подошёл парень, видимо, знакомый продавщицы.

– Шоколадку какую бы мне взять, Люда?

– А вот хорошая, «Дедушкин шоколад» называется.

– О, какие девушки здесь клёвые нарисованы!

– Да, дедуля был не промах, – включился в разговор и я, посмотрев на полуобнажённых див. – Такие симпатичные, что и мне не грех на них посмотреть, а уж тебе подавно.

– Да, – засмеялся парень, – можно, пока силы есть. Спасибо, Люда, побегу.

Так мы поулыбались друг другу и разошлись, и настроение моё улучшилось, на душе полегчало...

Истории о том, как и кто подвозил меня

1

Шоколадный «лендровер» остановился, когда я прошёл три с половиной километра. За рулём пожилой мужик в потёртом свитере. Едет на рыбалку в Вельяминово, где платная рыбалка на прудах стоит две тысячи пятьсот в день, но подвёз меня прямо на станцию и разговор у нас получился печальный. Пятнадцать лет назад не стало жены, рассказывал водитель, имени которого я и не знаю, на сороковой день дочь выпила и умерла (у неё эпилепсия была), а вскоре от сердечного приступа ушёл из жизни сын.

– Вот теперь один живу и езжу на рыбалку. Что ещё делать?

Я вспомнил рассказ И. А. Бунина «Мелитон».

– *Ведь ты совсем одинокий?*

– *Совсем-с. Была жена, да уж так давно, что и не вспомнишь.*

– *А дети?*

– *Были и дети-с, да их тоже бог прибрал в своё время...*

– А ты что в такую рань в Москву?

У меня скоростная электричка (повышенного комфорта, как говорят перед отправлением) – там туалет есть в одном вагоне и мягкие высокие кресла, не изрезанные и не распиленные любителями фольклора и прикладного искусства – в шесть пятьдесят четыре, и, чтобы на неё попасть, я выхожу в пять – пять-тридцать утра.

– А я еду на похороны. Скоропостижно умерла (сгорела от рака) тренер моего внука, хорошая женщина. Я его маленького водил в Измайлово, сам бегал осенью в лесу или зимой на лыжах, пока они занимались, а потом мы пили чай в их подвале на Владимирской и много говорили с замечательным тренером и педагогом Ларисой Александровной Лелиной. Когда бегали по кругу на стадионе «Авангард», Лариса мне подсказывала, как ставить ноги, палки, как должны вести себя коленки. Но я, честно говоря, так и не научился по-настоящему ходить «коньком», а переходил на классический ход. И как-то одна маленькая девочка спросила меня: «Дяденька, а вы почему “коньком” не бегаєте?» «Да не умею, и не получается что-то». «Учиться надо». – И убежала быстро-быстро.

2

Подвозили меня, правда, и до Москвы. Однажды прошёл совсем чуть-чуть, и подобрал меня чёрный «ленд-ровер».

– Всегда подвожу, всё равно еду. Ну и поговорить хочется, чтобы не скучно ехать, – говорила полноватая женщина лет сорока.

Юля, мать троих детей, – геодезист. Едет на работу, которой сейчас в связи с бурным строительством домов и дорог в Москве много, и платят за эту работу прилично. Недавно решили построить новый дом под Серпуховым, на угоре и с шикарным видом на Оку. Рублёный дом по норвежской технологии – из бруса или бревенчатый, с одной большой комнатой шесть на шесть. Это такой возврат к древним крестьянским постройкам в Норвегии. Высокий, без потолка дом, где в середине очаг с котлом, подвешенный на тросе, и дым, уходящий в дырку в потолке, и по бокам вдоль стены сундуки без крышки, кровати. Я видел такой в музее крестьянского быта на полуострове Бигдой в Осло, в Норвегии. Здесь, конечно, без очага и троса. Но с камином в большой комнате, зале, как говорит народ. А по бокам вместо сундуков небольшие, буквально три-четыре квадратных метра, комнатки-спаленки – кровать, тумбочка, ночник. Удобно, потому что легко и быстро обогреть даже маленьким обогревателем. А уж если отопление сделать, вариантов которых сейчас много, то вообще хорошо. И летняя кухня во дворе. И главное – людей пока мало рядом и Ока внизу, туман над ней по утрам и лес сзади.

3

И снова старик остановился, на хорошей иномарке.

– Садись, до Москвы доедем.

А мне в этот раз надо было сначала зайти в больницу, забрать результат анализа, сданного накануне, а уж потом в Москву.

– Спасибо, но мне в Михнево надо. На повороте я сойду.

– Ладно. А я в Москву за памперсами и пелёнками для старухи своей, до конца месяца надо получить. Наняли для неё сиделку из Украины. В Москве ещё не топят. – Это было в конце сентября, но похолодало. – И везти её в холод не хочется, здесь печка, тепло. А ты чего в такую рань?

Я рассказал ему свою историю.

– Ну как твоя? Сидит? Лежит? Моя-то лежит пластом, ничего не видит, только мычит, да и слышит плохо.

– Нет, моя сидит в коляске и всё слышит и хорошо соображает.

– Повезло тебе, мужик...

4

В этот раз «лендрровер» подобрал меня на развилке, я прошёл всего два с половиной километра. Эту развилку мы зовём «у помойки».

За рулём пожилой (но моложе меня), статный, хорошо и опрятно одетый мужчина, а рядом женщина, говорливая и суетливая.

– Вы садитесь, садитесь. Только поаккуратней. Там рассада – вот везу знакомым. С одного места на другое.

И с разными вариациями, но всё про одно и то же она говорила долго-долго, не замолкая. Я молчал и даже стал подрёмывать.

– А довезём мы вас до метро «Коломенская», хорошо? Потому что потом свернём направо. Я рассаду подруге знакомой везу. Вот вырастила у себя в деревне, сами-то мы деревенские, а ей везу, обещала, – снова и снова рассказывала она.

– А вы-то с каких участков? – неожиданно заговорил водитель.

– Да с 1-го ГПЗ, с Шарика, у первого круга. А вы?

– А мы из Макеево, макеевские мы. Знаете такую деревню?

– Ну знаю, конечно, она так боком как-то стоит за Петрищево.

– Точно.

– А магазин у вас есть?

– Нет. Если надо, ходим в голубой вагончик, что на шоссе стоит, рядом с «Агатом».

– Да, знаю. А когда-то был большой и хороший магазин в Чернышёво...

– Да-а, был. Давно уж нет.

– Жалко, там работала Нинка-продавщица. Мы по молодости бегали к ней по вечерам за портвейном.

– Точно-точно, – женщина оживилась. – Вот он, – показала на водителя, – родом же отсюда и тоже бегал к Нинке. Все бегали к ней тогда за вином.

Так мы вспомнили молодость. Было это тридцать-сорок лет тому назад.

5

Одна из последних поездок. В налоговую в Ступино: Михнево – Ступино – Михнево. Конец сентября. На днях должен состояться матч «Спартак – Ливерпуль», групповой этап лиги чемпионов. Сiju в электричке, думаю, будет ли разгромный счёт или продержатся. Ещё играть с «Севильей». Тоже не сахар. Играют в Москве, правда, но Ливерпуль и Севилья входят в топ-10 мировых футбольных клубов. Спартак сейчас не в форме, от разгрома может спасти только чудо, фарт, кураж. Если поймают, жёсткое выполнение тренерских установок (порядок бьёт класс). Занятый этими мыслями, вдруг на торце полуразрушенного дома читаю надпись, сделанную масляной красной краской: «Футбол. Матч века. Жилёво – Барыбино». А вы говорите Ливерпуль, Севилья, тренерские установки. А матч века вон где. (Ошиблись, правда, все. «Спартак» несколько неожиданно разгромил тогда «Севилью», но потом играл, как всегда, ни шатко ни валко.)

Я быстро и удачно сделал всё в Ступино и вернулся в Михнево. До автобуса ещё час. Сбегал в магазин, купил соль, сахар, сыр, что-то ещё. В рюкзаке около десяти килограммов. Если идти, то вес уже чувствуется, сидеть и ждать автобуса неохота – надо идти. До автобуса осталось минут сорок, а пешком – час двадцать, значит, надо идти так быстро, чтобы пройти часть пути и успеть на вторую или третью от станции остановку, чтобы автобус по дороге не обогнал. Поэтому иду быстро как могу, обгоняю бабушку с внуком с ранцем за спиной.

– Пропусти дедушку, Вася. Смотри, как быстро идёт.

– А он что, тоже в школу торопится?

– Да нет, он на дачу торопится.

Я оглянулся на ходу, улыбнулся, махнул рукой, крикнул:

– Я своё уже отучился!

Иду дальше. На обочине стоит мужик, в траве чуть поодаль лежит сумка. Кричит мне:

– О какой молодец, здорово идёшь! Небось не пьёшь, не куришь, здоровый образ жизни ведёшь?

– Не курю, но выпить могу.

Мужик призывно машет рукой и выразительно показывает на сумку, давай, мол, присоединяйся по чуть-чуть.

– Спасибо, в другой раз, сейчас тороплюсь.

Выхожу на шоссе уже чуть взмокший. На остановке жду автобус ещё десять минут.

6

Марку машины, что остановилась, я не разобрал. За рулём очень приятный, опрятный парень, волосы с проседью и набриолиненные. Рассказывал, как на даче всё сделал, и тепло, и воду, что тёща и жена довольны. Долго работал на заводе, но потом понял, что это бесполезно – ни денег, ни работы, – и ушёл в кооператив, в частную автофирму, и не жалеет, хотя если есть руки и голова, то работу и хороший заработок найти несложно. Всё у него в порядке. Есть сын и дочь, недавно стал дедушкой. (Я думал, что ему меньше лет.)

Мы хорошо поговорили о литературе. Он цитировал Жванецкого и Фазиля Искандера. В молодости играл в футбол почти уже на профессиональном уровне в «Торпедо». Теперь, после травмы, играет только в хоккей. А потом добавил:

– Но в спорте у нас плохо, всё за деньги, спорт не развивается из-за этого. Вот отвёл сына в хоккей, а тренер говорит: «Есть бабло? Давай, и будет играть в команде».

И неожиданно для меня мой попутчик стал изъясняться совсем другим языком, чем прежде:

– Спросил я его, короче, сколько. «Пятьсот косых». Отслонявил я ему пятьсот косых, и теперь сын играет в третьем составе. Мне мой друган, – продолжал он, – Володя Бесчастных (был такой очень хороший, сильный футболист «Спартака» и сборной – *прим. авт.*) говорил: «Приводят толстых, неповоротливых, платят большие деньги, и мы их берём. Без бабла никуда...» И потому со спортом у нас пока всё плохо (правда, он употребил более ёмкое слово – *прим. авт.*), – закончил он.

В первых числах октября, когда регулярные маршруты отменили и закрылся ближайший магазин, я пошёл по шоссе в тот, что ещё работал. Октябрь стоял хороший – тёплый, не то что май, с зелёной ещё травой и листьями на берёзах и осинах. Конечно, небо хоть и голубое, заметно выцвело, да и ветер, если дул, кружил уже жёлтые листья – всё-таки осень. Появились опята, и много, правда, уже не на деревьях, а больше на земле. Идти было недалеко, около одного километра. И вскоре я догнал бабуся в стоптанных мужских ботинках, балахонистом серо-коричневом пальто-плаще и в шапке несуразной. В одной руке у неё была сумка, а в другой – сумка-коляска. Я поздоровался.

– На станцию идёте? Что, не подвозят вас? Не останавливаются?

– А я и не голосую, – неожиданно молодо ответила она.

– Да сами должны останавливаться. Далеко же идти.

– Нормально. Дойду. – И неожиданно добавила: – Другого не дано.

«Вот именно, – подумал я, – вот именно...»

Сезон закончился. А я всё хожу и надеюсь на будущий год тоже ходить. Силы ещё есть как будто бы. И ходить хочется. Стареем ногами.

Эпилог

*Меня одолевает острое
и давящее чувство осени.
Живу на даче, как на острове,
и все друзья меня забросили.
Ни с кем не пью, не философствую,
забыл и знать, как сердце влюбчиво.
Долбаю землю пересохишую
да перечитываю Тютчева...*

Борис Чичибабин

Проходит не время, проходим мы,
Проходим в печали, грусти, тревоге,
Проходим в радости, страсти, любви.
Конечно, в любви, но всё же в печали...

Проснулся рано. Пели птицы.
И капли капали с ветвей.
Скрипели в доме половицы,
И в такт им петли у дверей.
Кругом висела тишина...
И тихо плакала душа.
И в сердце было столько боли
От благости такой и воли,
Так, что хотелось удавиться
Или хотя бы вдрызг напиток...
И тихо плакала душа.
Кругом висела тишина...

Канада. Коттедж под Квебеком. Весна, 2019 г.

«На даче Камзолкин пьёт самогонку...»

На даче Камзолкин пьёт самогонку
И рыжики в рот отправляет вдогонку.
На даче осень и листья пожухли
Есть время для грусти...
Время для грусти, тоски и печали,
Сидеть и смотреть в туманные дали
Или бродить по холодной росе,
Грибы собирая в жёлтой листве...

Сентябрь, 2019. Дача. Михнево – Берёзки

«Воздух пасмурный влажен и гулок...»

Воздух пасмурный влажен и гулок;

Хорошо и не страшно в лесу.
Лёгкий крест одиноких прогулок
Я покорно опять понесу.
И опять к равнодушной отчизне
Дикой уткой взовьётся упрёк, —
Я участвую в сумрачной жизни,
Где один к одному одинок!

О. Мандельштам

«От грусти, тоски и печали...»

От грусти, тоски и печали,
От прошлого скрыться нельзя.
Смотри, не смотри в туманные дали,
Да только всё зря...
Обиды копятся, обиды,
Грехи, что натворил,
Приходят по ночам.
И люди, те, кого обидел,
Кому не додал что,
Стеной стоят.
И жалко всех,
И жизнь не в радость,
И хочется плакать.
И это старость.

Отпрянула от вечных струн рука,
Душа устала.
Ощущенья сникли.
Проткнуть бы ночь на резвом мотоцикле,
Да нету сил рядиться в бодряка.
Намедни шляпу не свою надел
И так пошёл
В соломенной – сквозь зиму.
И падал снег,
И ветер шелестил
Судьбой моею
Невообразимой...

Г. Горбовский

Людмила Валова

Главным делом своей жизни считает работу в школе, много лет преподаёт математику. Любит своих учеников: и любознательных с горящими глазами, которые побеждают на математических олимпиадах, и тех, кто слегка пессимистично настроен на постижение математических формул и законов.

Живёт в Сыктывкаре. Стихи автору стали приходить совсем недавно и неожиданно.

«Я сегодня другая...»

Я сегодня другая,
 иная,
 я не та,
 что была в декабре.

Я устала от встреч, не наполненных смыслом,
Мне хотелось бы верить магическим числам.
Я напрочь забыла свои алгоритмы,
Я вбираю в себя незнакомые ритмы.
Не смогла я понять тайны жизни нетленной,
Но хочу разгадать энтропию Вселенной.

Я отныне иная,

другая,
нет не та,
что была в декабре.

«Прохладный октябрь за окном...»

Прохладный октябрь за окном
И солнца редкие всплески.
Затянута небо лиловым сукном
В стиле старинной фрески.

Дождь совершает свой променад
По улицам странно пустынным,
А я надеваю вечерний наряд
И жду тебя в зале каминном...

«Геометрия слов в эфемерности чувств...»

Геометрия слов в эфемерности чувств,
Не постичь мне твоих безрассудств.
Мы с тобой в параллельных мирах,
В телефонных «живём» номерах,
И в пространстве случайных встреч
Нам друг друга уж не сберечь...

Сентябрь

Самое время сказать лету: «Прощай».
Не вспомнить про стынувший чай.
Самое время укутаться в плед
И забыть про обед.
Самое время тебе позвонить,
Ощутить между нами незримую нить.
Самое время закрыть в прошлое дверь
И шепнуть себе: «Верь».

«Я соткала судьбу из серых нитей буден...»

Я соткала судьбу из серых нитей буден,
Немного расплескала бирюзы —
несбывшиеся мечты.

Палитры выбор был довольно труден,
Но помыслы мои, как и художника,
чисты.

Добавила толику янтаря
с медовым вкусом детства,
А с серебром полыни хотела б
избежать соседства.

Вплела счастливые деньки
с бодрящим ароматом утра
И нежной зелени надежд
с мерцаньем перламутра.

Ажур ненужной суеты в безликой
паутине зависти и сплетен
В паттерне полотна моей судьбы,
надеюсь, незаметен.

«Тарт с марципаном...»

Тарт с марципаном
И запах корицы в кафе,
И старое фортепиано,
Избежавшее аутодафе.

Силуэт пианиста,
И взмах его тонких рук,
И «Кампанеллы» Листа
Лёгкий, бисерный звук.

«Закат с мандариновым вкусом...»

Закат с мандариновым вкусом
И свежесть твоих нежных губ.
Прикоснувшись лишь к бусам,
Не ведал, что я однолюб.

Той встрече немногим за тридцать,
И всё уж давно позади,
Но помню я платье из ситца.
За робость меня не суди...

«Не гадай мне на гуще кофейной...»

Не гадай мне на гуще кофейной,
Лучше старый включи патефон.
И, немного согревшись глинтвейном,
Мы с тобою споём в унисон.

И пусть прошлое уже не вернётся,
Но терцовый аккорд наших душ
Ощутить нам ещё доведётся
Несмотря на потёкшую тушь.

«В чашки севрского фарфора...»

В чашки севрского фарфора
Плеснём прованского вина,
Смущаясь пышного декора,
С тобой мы будем пить до дна.

Быть может, вспомним о погоде,
Поговорим о мелочах.
И карты Таро нам не помогут
Разложенные при свечах.

«В терминалах судьбы мне себя не найти...»

В терминалах судьбы мне себя не найти,
В бесконечном поиске теряю реальность.
А в памяти дни как чёрно-белое конфетти
И струн души щемящая тональность.

«В календаре остывших чувств...»

В календаре остывших чувств
Отметим дату расставания.
Судить тебя я не берусь,
Не жди и покаяния.

Наверно, было мало слов.
А может, слишком много?
Но, к сожалению, не тех,

Что ждали оба...

«Для антуража в модном ресторане...»

Для антуража в модном ресторане
Стоит рояль с уставшею душой.
Мелькают люди, что-то на экране,
А он как будто здесь чужой.

Я проведу по клавишам рукой,
Смахну случайно пыль манжетой.
И нота фа нарушит мой покой,
Напомнив мне о песне, что не спета...

«В плену неясных многоточий...»

В плену неясных многоточий
И неслучившихся побед
Я пребываю дни и ночи.
Тебя со мною рядом нет.

Я верю, ты ко мне вернёшься
Совсем не тем, что был вчера.
К руке губами прикоснёшься
И доведёшь до алтаря...

«Ты влюбился в меня как мальчишка...»

Ты влюбился в меня как мальчишка,
Парой фраз мне тебя не смутить.
Рассудительной стала я слишком,
Но вместе с тобой мне не быть.

Не проснуться вдвоём на рассвете,
Не вдохнуть свежесть трав поутру,
Не узнать, как растут наши дети.
Так бывает – не тебя я люблю.

«Хочу искупаться в осенней листве...»

Хочу искупаться в осенней листве,

Ощутить запоздалое счастье.
Не обвиняя меня в колдовстве,
Надень мне браслет на запястье.

Из ласковых слов и признаний в любви,
Из солнечных бликов и капель росы...

«В неизвестности как в бесконечности...»

В неизвестности как в бесконечности,
В паутине сомнений, тревог,
Не понимая твоей беспечности,
Сама с собой я веду диалог.

Объясняя простые истины,
Уступаю в житейской логике.
Аргументы мои бессмысленны.
И это можно назвать патологией.

«Вникаю в поэтические тексты Бродского...»

Вникаю в поэтические тексты Бродского,
Постигаю неординарность его мышления
И, пребывая в некотором ошеломлении,
Ощущаю собственной мысли банкротство...

«Сыктывкару...»

Сыктывкару

И вновь я рассвет сыктывкарский
встречаю.
Там, вдалеке, я немного скучаю.

По скверам и паркам, по дому
под шпилем,
По улицам узким куда-то
спешили.

Не унывали, мечтали, смеялись,
И планы мгновенно менялись,

Когда тёплый денёк выпадал,

На Театральной нас всех собирал

Полиглот, переводчик, Куратов-поэт,
Бунтарь-одиночка, тот ещё сердцеед.

«Пересечёмся в “Авроре”», – друг другу
бросали
И в летних кафе свою жизнь
обсуждали.

И долго бродили в нуаровской мгле
В Кировском парке в седом феврале.

И снова рассвет сыктывкарский
встречаю.
Прости, но там, вдалеке, я очень
и очень скучаю.

«Ты строишь замки на песке...»

Ты строишь замки на песке,
А я бегу по замкнутому кругу
И на очередном витке
Я понимаю: мы нужны друг другу...

Сергей Волк

Настоящее имя – Николай Зотов.

Педагог и филолог с фундаментальным академическим образованием. Выпускник Института филологии и журналистики Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского (ННГУ), где последовательно получил степени бакалавра, магистра с отличием и окончил аспирантуру по направлению «русская литература».

С 2018 года посвящает себя написанию текстовых квестов для игрового приложения «Квестоманьяк», совмещая авторскую практику с научной деятельностью (работал младшим научным сотрудником в ННГУ). Параллельно делится знаниями и любовью к филологии с учениками нижегородского лицея № 180, где работает учителем русского языка и литературы.

Последние дни этого мира Пьеса в тринадцати сценах

Действующие лица

ЛИЗА ХУДЯКОВА – девушка 23 лет. Высокая, немного худощавая брюнетка. Не красавица, но и далеко не уродина. Автокатастрофа разделила жизнь Лизы на «до» и «после». На момент первой сцены девушка – инвалид-колясочник. До катастрофы была смешливой, крикливой, энергичной (иногда до безрассудства), мечтательной и романтической. После стала замкнутой, необщительной, раздражительной.

ИВАН СЛЕСАРЕВ – молодой человек Лизы. Ему 25 лет. Невысокого роста, телосложение спортивное. Окончил университет, работает системным администратором в МФЦ. Хобби Ивана – активный отдых на природе. Также парень любит смотреть футбол, посещает спортивный зал, иногда пишет стихи. После автокатастрофы, когда стало ясно, что Лиза не сможет ходить, Иван не ушёл от неё. Он решил продолжать отношения так, будто ничего и не произошло.

ДМИТРИЙ ПОДБЕРЁЗОВ – друг Ивана. Хорошо знает Лизу – познакомился с ней на дне рождения Слесарева. Дмитрию 26 лет. Брюнет, высокого роста, худощав, но крепок, красив, привлекателен. Одевается стильно. Трепетно следит за своей внешностью – всегда носит в карманах губку для протирания обуви и щёточку для одежды, а также расчёску, пилочку для ногтей и влажные салфетки. Работает в одном из крупных банков.

ВЕРА ТИХОНОВА – девушка 24 лет. Подруга Лизы, знакома с Иваном. Невысокая, худощавая блондинка, носит очки с толстыми стёклами. Невзрачная, не красавица. Работает учительницей начальных классов, одновременно учится в аспирантуре. Обожает читать, иногда сама пишет детские юмористические рассказы. Кроме всего прочего увлекается музыкой, любит посещать музеи и выставки, ходить в театр. Добрая, отзывчивая девушка. Иногда бывает очень стеснительна, из-за этого заикается.

ИРИНА ПЕТРОВНА (МАТЬ) – мать Ивана. Полная высокая женщина. Со всеми разговаривает громким визгливым голосом. Властная натура.

ЕВГЕНИЙ ПАВЛОВИЧ (ПАПАША) – отец Ивана. Худощавый невысокий плешивый мужчина. Много курит. Говорит мало. В подавляющем большинстве случаев слушается жену.

АРСЕНИЙ САМВЭЛОВИЧ ШЛЕМЕНЗОН – хирург.

Сцена первая

Поздний летний вечер. Лиза и Иван сидят у подъезда. Тускло горит жёлтая лампочка фонаря, в её свете выются мошки.

За окнами дома люди копошатся в бытовых делах – видны силуэты, которые моют посуду, стирают, смотрят телевизор. Ваня о чём-то весело рассказывает, но Лиза вдруг прекращает его слушать, пристально смотрит на тёмные кусты, затем внезапно начинает рыдать.

ИВАН. Лиз, ты что? Что случилось?

Девушка не отвечает, давится рыданиями, плечи её судорожно трясутся.

ИВАН. Лиза, да что с тобой?! Я что-то не так сказал? Что произошло?! Лиза!

ЛИЗА (*сквозь рыдания*). Давно произошло! Ты что, не заметил? Не видишь, какая я?!

ИВАН. Обычная. Перестань, пожалуйста.

ЛИЗА. Обычная?! Нет, хватит этого! Ты что, не понимаешь?! Я теперь никому не нужна, я не человек!

ИВАН. Мне нужна!

ЛИЗА. Тебе? Зачем?! Мы... Да нет никаких «нас»! Я бы хотела, очень хотела... но не могу! Не могу, понимаешь?! Хочу, как нормальная здоровая женщина! Хочу, чтобы... Но этого не будет, не будет! Нет!

ИВАН. О чём ты?

ЛИЗА. Родителей нет дома... Я подумала, что могла бы пригласить тебя на чашку чая... (*Истерично смеётся.*) Потом как в фильмах, знаешь? Я пошла бы в душ, вернулась, скинула халатик... (*Опять дикий нечеловеческий смех.*)

ИВАН. Но это же не главное! Я и не просил тебя... Никогда...

ЛИЗА. Ты не просил... И что, даже не хочешь меня?! А я вот хочу! Очень!

ИВАН. Если ты хочешь, то мы можем...

ЛИЗА (*то ли плачет, то ли смеётся, подвывая*). Как ты себе это представляешь?! Будешь возиться с моим неподвижным телом как с бревном? Будешь меня таскать, переключать... Мерзко! Дрянно! Не хочу! Меня тошнит! Всё не так должно быть! Не так! Не так!

ИВАН. Лиз, да ты что? Разве это главное? Я люблю тебя!

ЛИЗА (*внезапно успокаивается*). Любишь... Оставь меня. Иди вон к Верке.

ИВАН. К Вере? Почему к Вере? Зачем?

ЛИЗА. Она влюблена в тебя по уши! Ты что, не знал?

ИВАН. Кто? Вера? Это она тебе сказала?

ЛИЗА. Пф-ф-ф, сказала! Ты правда не замечал, как она на тебя смотрит?

ИВАН. Смотрит? Как смотрит?

ЛИЗА. Эх ты... Ничего ты не видишь вокруг... (*Злится.*) Ничего не понимаешь! Ты же мужчина всё-таки, самец! Ты должен... А ты... возишься со мной, с инвалидкой! Тебе что, ни разу не хотелось женщину?

ИВАН. Да при чём... Я тебя люблю!

ЛИЗА. Заладил... Любить – это не только цветочки дарить и у подъезда болтать.

ИВАН. Я сделаю всё, что ты скажешь!

ЛИЗА. Ничего не надо уже. Проехали.

ИВАН (*хватает девушку за руки, встаёт перед ней на колени*). У нас всё будет, поверь мне! Врач же сказал, что возможна операция! Ты выздоровеешь, ты будешь хо...

ЛИЗА. Операция! Откуда у нас такие деньги?! Отец пытался собирать, но бросил... На житьё-то еле хватает! Даже если займём у родственников и друзей, и то половину суммы не наберём!

ИВАН. Я достану! Я уже работаю на трёх работах! Ещё тут халтурку обещали...

ЛИЗА. Это ерунда.

ИВАН. Нет, не ерунда! Не ерунда! И я тебе обещаю, я тебе клянусь, что ты встанешь! Я...

ЛИЗА. Всё, я устала. Вон и папа идёт. Он меня завезёт... Нет, не помогай. Уйди.

Сцена вторая

Кухня, довольно опрятная, аккуратная, но очень маленькая. Ивану, который стоит между холодильником и плитой, буквально негде повернуться. Ирина Петровна и Евгений Павлович сидят у маленького столика на небольших табуреточках. В окна льётся жёлтый свет фонаря. Ирина Петровна пьёт чай, вернее, старательно делает вид, всё время нервно звеня ложкой в чашке с простой водой, в которую забыла бросить пакетик. Евгений Петрович непрерывно курит, отчего кухня уже похожа на задымлённое поле боя, но никто этого не замечает. Сходство дополняет периодически гремящий холодильник и дребезжащая крышка чайника, который поставили на плиту, но забыли выключить.

Продолжается, видимо, уже довольно длинный разговор.

ИВАН. Мама, послушай...

МАТЬ. И не собираюсь! Я не дам тебе на эту девку ни копейки!

ИВАН. Не смей называть её девкой!

МАТЬ. Не ори на меня!

ИВАН. Отец, ну хоть ты ей скажи!

ПАПАША. Ну а что... Мать права...

ИВАН. Это невыносимо! Я же сказал, что со временем восполню... Я работаю!

МАТЬ. Вот именно! На тебя уже смотреть страшно – худой, синяки под глазами! Скоро в обмороки падать начнёшь! Мать не слушаешь...

ИВАН. Это моё дело!

МАТЬ. Да пойми ты, дурак! Ты выкинешь деньги! Эта твоя Лизка... Знаю я её...

ИВАН. Ну что ты знаешь?! Что?!

МАТЬ. Что и все! Что за ней десяток парней бегало!

ИВАН. А выбрала она меня!

МАТЬ. Просто бросить не успела...

ИВАН. Это невыносимо! Замолчи!

МАТЬ. У нас город маленький, всё как на ладони. Только ты один ничего не знаешь... или не хочешь знать... Она же твоему Подберёзову всё глазки строила! Только убежать к нему не успела... Бог наказал! Бог всё видит!

ИВАН. Да не было такого! Враньё всё это! Больше слушай своих подруг-сплетниц! Дима мне друг, он не стал бы... И Лиза...

МАТЬ. Олух! Ну что ты в ней нашёл, а?! Вон Верочка...

ИВАН. Да что вы все с этой Верочкой! Я Лизу люблю! Люблю! Понимаешь? И мне нужны деньги...

МАТЬ. Я уже всё сказала!

ИВАН. Но она же страдает! Ты бы видела, как она мучается! Ей же плохо!

МАТЬ. И правильно плохо! Шалава она!

ИВАН. Не смей! Не говори! Не...

МАТЬ. Так и не проси у меня денег!

ПАПАША. Чёрт поberi, чайник сейчас сгорит!

МАТЬ. Не чертыхайся!

ИВАН. Мама, послушай...

Разговор вновь делает виток и грозит стать бесконечным.

Сцена третья

Грязная комнатуха общежития, куда переселился Иван после ссоры с родителями. Горит одинокая белая лампочка без абажура, заливая стены и пол ярким чистым светом. Иван сидит с ноутбуком на сломанной раскладушке, кое-как уложенной на обшарпанные стулья. Рядом стол, явно побывавший там, где делали ремонт, – он заляпан побелкой и красками, угол отбит. На столе в беспорядке тарелки и стаканы. У окна шкаф с незакрывающимися дверцами.

За шкафом горой навалены какие-то вещи. Дранный линолеум, отваливающиеся обои с потёками, ржавая батарея, на потолке жёлтое пятно...

Робкий стук в дверь.

ИВАН. Да достали вы! Нет у меня денег, не пойду я с вами пить!

ВЕРА (*заглядывает в комнату*). Привет, Вань, это я... Можно?

ИВАН. А, привет! Прости, думал, это опять соседи...

ВЕРА. Как ты тут?

ИВАН. Ну, как видишь. (*Горько усмехается.*) Держусь. Алкаши ночами спать не дают, да ладно... даже хорошо – работать больше получается.

ВЕРА. Ваня, ну нельзя так! Ты себя уморишь! У тебя же глаза... ужас какой!

ИВАН. Да брось, это просто потому, что тут пыльно.

ВЕРА. Вань, ты такой прекрасный человек. Всем жертвуешь для Лизы... Это так благородно! Вот возьми, тут не так много, я принесла...

ИВАН. Вера! Да ты... Да ты просто человечиче! Век тебе благодарен буду! Всё до копейки отдам! До копейки!

ВЕРА. Да нет, что ты, не благодари... Я... Я очень хочу, чтобы Лиза поправилась и всё у вас было хорошо!

ИВАН. А Лиза сказала, что ты в меня влюбилась... Вот ведь напридумывает же себе ерунды!

ВЕРА (*меняясь в лице*). Я... Да... Напридумывает! Точно... Ладно... Я пойду, мне тетради...

ИВАН. Хочешь чаю?

ВЕРА. Нет, я... пойду...

Вера быстро захлопывает за собой дверь. Из коридора раздаётся всхлип или стон, но Иван не обращает внимания — он считает деньги.

Сцена четвертая

Красивая гостиная, декорированная под средневековый замок. Уютные мягкие кресла, диван, огромный телевизор на стене. Изящный стеклянный столик. Несколько барных шкафов из чёрного дерева. Тут и там расположены стойки с декоративным холодным оружием, на стенах висят многочисленные картины, по углам — бюсты полководцев. Горящий камин отбрасывает на пол пляшущие жёлтые отсветы.

Дмитрий сидит в кресле-качалке, покуривает трубочку. Раздаётся переливчатый звонок в дверь. Дмитрий лениво встаёт, не торопясь убирает трубочку, потом медленно уходит. Возвращается уже с Иваном. Между друзьями заметна колоссальная разница: Дмитрий одет великолепно и блистательно, даром что во всё домашнее — халат, штаны и тапочки, а Иван в своей выходной одежде напоминает нищего.

Та же разница в лицах, в причёсках. У Дмитрия круглое лицо, сияющее здоровьем и демонстрирующее великолепный уход, волосы лежат безупречно. У Ивана лицо — череп, обтянутый кожей, под опухшими глазами чёрные мешки, губы синие, волосы представляют собой скорее воронье гнездо.

ДМИТРИЙ. Ваню, здорово! Ты извини, у меня тут не прибрано... Хочешь пива? Или лучше вина?

ИВАН. Привет, Димон! Я только забежал... слушай... мне совсем немного не хватает... ну ты знаешь...

ДМИТРИЙ. Для Лизы... Да... Бедная девушка... Красивая такая была, и вот так...

ИВАН. Слушай, Дим... Займи, сколько можешь, а?

ДМИТРИЙ. Братан, я бы с радостью, но на мели сейчас, понимаешь? Совсем нет денег. Только что машину новую купил... Знал бы...

ИВАН. Хоть сколько-то... Я понимаю, но...

ДМИТРИЙ. Братан, прости. Совсем нет. Ты меня знаешь — если бы были деньги, я бы дал. А тут — машина новая.

ИВАН. Ну...

ДМИТРИЙ. Нет. Прости. Давай лучше по пивку, а? Холодненькое! Вспомним былые времена...

ИВАН. Да я на работу опаздываю... Слушай... Если появятся деньги...

ДМИТРИЙ. Без вопросов, конечно же! Братан! Ты меня знаешь! Вот будет аванс — и весь отдам!

Сцена пятая

Прошло больше года. Вновь подъезд Лизиного дома, но теперь стоит глубокая осень. Кусты, деревья, трава на газоне — всё ярко-жёлтое. Желтизна усиливается солнечным светом, прихотливо играющим на опадающих листьях растений.

ИВАН (*запыхавшись*). Лиза, Лизонька! Я собрал... собрал все деньги... нужную сумму!

ЛИЗА (*катясь ему навстречу*). Ты?! Собрал?! Но как?! Ведь тебе не хватало очень много...

ИВАН (*улыбаясь через силу*). Да я занял тут... Организация хорошая попалась...

ЛИЗА. Значит, будет операция? Я и правда встану на ноги?

ИВАН. Конечно же, любимая!

ЛИЗА (*словно в первый раз видит Ваню*). Ой... А что с тобой? Ты болеешь? У тебя глаза красные, веки синие... и лицо всё...

ИВАН. Да что ты, всё отлично! Просто переработал немного.

ЛИЗА. Я так рада! Ты... Ты настоящий мужчина! Я люблю тебя! Давай, когда я смогу ходить, мы поженимся?

ИВАН. Да! Конечно, да!

ЛИЗА. Знаешь, мы будем жить в небольшой, но очень уютной квартире. У нас всё будет в японском стиле. Знаешь, такие жёлтые цветочки на обоях, минимализм. Диван один, небольшой. Вместо стульев табуреточки, а лучше просто циновки вокруг низенького столика. Будем есть, сидя на полу. Это здорово, я думаю. Вазы кругом с иероглифами, статуэтки. Картины — знаешь, такие, карандашными набросками. Может, я сама нарисую. Ковёр из бамбука на стене.

ИВАН. Да, но...

ЛИЗА (*не слушая его*). Надо будет подумать о детской. Ты же хочешь ребёнка? Я думаю, у нас будет два сына. Надо будет купить двухъярусную кровать. Обои в детской будут голубые. Да, с самолётами и машинами. Можно будет постеры наклеить, с современными героями. Кто там популярен — черепашки-ниндзя или Бэтмен? Потолок пусть будет зелёный. А на пол настелем ламинат. Можно будет в детской сделать тёплый пол.

ИВАН. Хорошо, конечно, но, понимаешь...

ЛИЗА (*не слушая*). А ещё у нас будет гостиная. Мы будем приглашать всех друзей и родных. Там надо будет поставить кожаные диваны и кресла, чтобы все могли сесть... (*Всё больше погружается в свои фантазии.*)

Сцена шестая

Приёмная хирурга Шлемензона — небольшой кабинет, стены которого увешаны всевозможными дипломами, грамотами, благодарностями. Огромные мягкие кресла. Письменный стол красного дерева, резной.

Продолжение разговора.

ИВАН. Так какие гарантии?

ХИРУРГ. Да вы что, молодой человек? Гарантии? Я же не Всевышний...

ИВАН. Но деньги...

ХИРУРГ. Знаете, юноша... Тут не магазин. Это больница. Здоровье нельзя купить. Можно лишь попытаться его вернуть.

ИВАН. Простите.

ХИРУРГ. Даже если операция пройдёт успешно, за вашей невестой нужно будет долго ухаживать, помогать ей тренироваться. Ей надо будет учиться ходить, словно маленькому

ребёнку. Понимаете? Ни в коем случае нельзя будет падать, иначе всё пойдёт насмарку! Ну вы у нас крепкий, я смотрю, удержите. И ещё – никаких стрессов после операции! Нервы играют очень важную роль... Да...

ИВАН. И через сколько она сможет полноценно ходить?

ХИРУРГ. Месяца три с ходунками. Потом ещё месяц с костылями. Потом с клюшкой... месяц, думаю. Это, естественно, при тренировках и приёме лекарств. Лекарства дорогостоящие, сразу предупреждаю. Да и оборудование для тренировок тоже...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.